

✓ 061
Д.К. Мамин-Сибиряк

АЛЁНУШКА

МОНЬСИТ

учпедгиз 1951

H

ХАНТ
3-39

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКА МОНЬСИТ

ХАНТЫ ЯСЫНГА
Т. И. КАКСИНА ХАНШИС

РИСУОКЫТ Е. ЧАРУШИН ВЕРЫС

*Государственное
Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград 1951 Москва*

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

НА ХАНТЫЙСКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕВЕЛА
Т. И. КАКСИНА

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА
ХУДОЖНИКА Е. И. ЧАРУШИНА

*Государственное
Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград 1951 Москва*

**СИСЬКИ ВОЙ ИКИ, ТАР ХУТ ПА КАШИНГ
ТУРПА СЫСТАМТТЫ ХО ЯША ОТЫНГНЫ МОНЬСЬ.**

1.

Сиськи вой ики па Тар хут ун тухыса уснгын. Тунгын кашинг хатл Сиськи вой ики ёхан хоси пуртытыс па увыс:

— Эй, яим ики, вуся ута!.. Хотыса уттын?

— Айтта, ямашик уттым, — Тар ики лопыс. —
Ма хосема мойтыта юва. Ма хосемны, яим ики,
мат тахетны ям... Йингк ротана утл, арсыр

йингк торныт муй арат мосл. Нангыт сопратытыпны, йингк хомылхайтны тапыттэм.

— Помасипа, яим ики! Ям номысны нанг хосена мойтыта си куш мантым, туп йингк эвыт паттым. Нанг ма хосема хот тангыта мойтыта юва... Ма нангыт, яим ики, воньсимотны тапытта питтэм,—ма уны сад тайтым, а сятта нянь хурпие уиттымын, вась тант, сакар па тытынг петнгаие. Нанг хоты сакар петы самынг?

— Муйсыр тув?

— Тамись новы...

— Мунг ёханэвны утты ай кевыт хорасып?

— Я си. А унгыта вутэн—эптынг. Нанг кев шуктан ант тэтыит. Интам хот тангыта пуртэмытмын?

— Антом, ма пуртыттита ант хоштым па нумын карысьны тытэм ёхи ермытл. Ямашик йингкны яха уситымын. Ма нанген иса ваныттытэм...

Сиськи вой ики йингка вохтыта вутсиит,—шанш вута вохыт, а сятта паттапа йит. Тамиты йингка шуитта рахыт! Сиськи вой ики новы ёхан йингкие яньсемыт, а шангк хатлны сорымшик тахины певтэмыт, пунтат сыстамтл па си тув хот тангыта мантл. Тын шенгк тюпоя уснгын па ар верыт отынгны потыртсангын.

— Муй нанген йингкны омыста тораса ант йит?— ванкутл Сиськи вой ики умсяттытыс. — Иськи йингк хоси, па сив поттаин...

Тар ики па умсяттытыс:

— Хоты нанген, яим ики, муй тораса ант ювынтл нумын янгхта? Нумын хатл эвыт шенгк шангк: ситы тыт ёхи ермытл. А ма хосема ийвотап йиты. Усийта муйкем нанг кашасьтын. Тунгын иса ма хосемны певытта вураттыт... А нанг хосена хот тангыта хой мантл?

— Па хоты янгхтыт, яим ики!.. Ма уны тухыс тайтым, турпа сыстамтты Яша. Тув ванкутл ма хосема мойтыта ёхтыйтл... Па шенгк кашинг турпа сыстамтты хо,— иса арет ариит. Турпаит сыстамтл, а тув ариит. Па омысл мет хот тангыта рутсита, нянь пул нох вут, тухмыит, а ма нянь шукыт нох акыттым. Шенгк номыс сирны уттымын. Ма па тангхаттым кашинга утта...

Тухсыт ий арат шукынг верыт тайсыт. На-пример, таты. Хоты Сиськи вой ики иськины потса! А-на-на, шенгк иськи хаттыт уттийтсыт! Иса самты потты кем. Марыкнгыт ёвыттытэ Сиськи вой ики, курнгыт тув итпета таттытэ па омысл. Туп ий тавтыпсы—хотты петы турпая тангта па хошмыттыйтта. Я, тата па атым вер.

Иймотты Сиськи вой ики сорма хась ант йис, тув ям турпа сыстамтты тухсэт верым верны. Турпа сыстамтты хо ёхтыс па роман турпая кевны йирысман курась варыс эсл,— туп-туп Сиськи вой ики ух ант шукатыс.

Сиськи вой ики турпа эвыт иса хулэнг ким этыс, турпа сыстамтты хо киньси па хулэнг, па интам тявытта питыс:

— Там, муй нанг, Яша, вертын? Нанг тамиты иса сорым унта ветта мошиттын...

— А ма хоты утэм, муй нанг турпа тыпины омыстын? А етты пета тавтысман ута... Ма нангыт кевемны ухен эвыт хатсисэм ки,— муй сит ям?

Тар икия татэтны па шука утта ювынтыс. Тув хотты маташик тангыс па сята татынг хаттыт мар мангныс. Патлам, иськи па нёхтыта ант тангхатл. Хувшик мар утман омлэп хоси вусийттыс, хун Сиськи вой икины вохын-тыйтса.

Сиськи вой ики омлэп ов хоси йингк яньсьта ёхытл па увыт:

— Эй, Тар ики, нанг муй тытнга уттын?

— Тытынг...—отмынг тур сыйны лопыт Тар ики.—Туп иса отмем йиты. Ат атымшик. Мунг хосева иса оттыт.

— Па мунг хосева иси ямшик антом, яим ики! Муй верта, иса пакта мосл... Кай, муйсыр тыкынг вот уттиит!.. Тата, яим ики, ант воимтаин... Ма иса ий куремны навыртым, хошмыт-тыйтта пата. А ханнэхоит вантыт па лоптыт: „Вантатн, муйсыр кашинг сиськи войлэ!“ Туп хошим йиты унта тавтыста ки! Я хоты нанг муй па си, яим ики, оттын?

А тунгын па атым верыт уттыт.

Ий пуш ворш кат верста кем хуват Сиськи вой ики ювпины нюхтысыс, а томи вурана хот ханемыс ёхан торн кута.

— А-на-на, туп тытынга йира хотсым!— потыртыс тув Тар икия, туп тытыт татман.— Вот ёвра хо!.. Хась-хась ант куншемыстэ, а тота нумыса хота вохса.

— Тами мунг сортэв хорасып,— Тар ики лопыс.— Ма па антом хувын тув унгтыта хась питсым. Патынг тут иты ма ювпемны наптантыс. А ма па хутыт питны нох вусьсым па нумыссым, муй юх шуп йингкны отл, а си юх шуп ма ювпема хоты сёрымтл... Муй пата си сортыт уттыт? Умысьтытым па оша верта ант мошиттым...

— Ма па... Утэн муй, ма нумыстэм ворш хун хоты сорта ус, а сорт ворша ус. Ий ясынг сирны — ворнакнгын.

Па ситы утсангын хотсангын Сиськи вой ики па Тар ики, татэтны иськины потсайнгын, тунгын амтыттиснгын, а кашинг турпа сыстамтты Яша тук турпатат сыстамтыс па арет ариис. Кашинг хо тув верл, тув амтыпсэт па тув шукынг верл тайт.

Иймотты хатлны тунгын турпа сыстамтты хо тув рупутаит парым пуш ёхана хулытат тёхытта маныс. Маныт па шухыт, роман хутл — паттап сый.

Муй хоты йис. А ёхан нумпины тохтынг воег иса ситы си тарыйтыт: васэт, тунтыт, рапыт, хайпыт, ворнгаит па голубит. Исат сый вертыт, увтыт, няхтыт — нэмотты оша ант вертын.

— Эй нын, муин хоты йис? — турпа сыстамтты хо увытмыс.

— А тами симись вер тывыс... — каркам вурсик шухмыс. — Симись нях, симись нях!.. Вантэ, муй мунг Сиськи вой икев верл... Иса отшама йис.

Вурсик вась-вась тур сыйны няххытыс, ты-вытны ёвытмыстэ па ёхан нумпины вотятыс.

Хун турпа сыстамтты хо ёхан хоси ванамыс, Сиськи вой ики тувет си наптыс. А тув тамись

вой
сай-
урпа
арет
па

тты
тат
л —

ынг
ыт,
ый
ант

па

ам
!..
са

ы-
ис.
ис,
сь

паттапынг: нёт тыит нох пуншман, сэмнгыт су-
тытынгын, пунтат исат нох тотянтмет.

— Эй, Сиськи вой ики, нанг муй, яим ики,
тата сыясьтын?—турпа сыстамтты хо иньси-
сыс.

— Антом, ма тувет рув матэм!—Сиськи вой
ики кант эвыт тытыт ёхи ертысман увыс.—
Тув хотна ант уттэ, муй хорасып ма. Ма ту-
вет ваньттытэм ёвра Тар икия! Тув маньт
нумытта питтыттэ, ворнак...

— Ат хутынта тувьт!—Тар ики йингк эвыт
увтыс турпа сыстамтты хо пета.—Тув иса
тэпыттыйтл.

— Ма тэпыттыйттым?!—Сиськи вой ики
увыс.—А хой муv тэр уйтыс? Ма тэпыттыйт-
тым?! Воянг тамись муv тэр! Ма тувьт ёхан
хоньнгны нох хирсэм... Шенгк ар рупитсым...
Сятта каттымсэм па ёхи тутэм, ма тыхтэма.
Ма семья тайтым... манэм тэтот таттита мосл...
Туп пуртэмысэм муv тэрыт питны ёхан нум-
пины, а хом Тар ики—тутн тувьт сортытны
ёхи ат тэты!—хоты увьтмыт: „Ворш!“ Ма
пакынмемны увьтсым, муv тэрем йингка рак-
ныс, а Тар икины тув ёхи тэсы... Тами муй,
тэпыттыпсы?! Па нэмотты ворш ант ус...

— Я муй, ма па еша осьхось версын,—Тар
ики лопыс.—А муv тэр, яна, эптынг ус.

Тар ики лакка арсыр хутыт акымсыт: плот-
ваит, матынг хутыт, евыт,—хуттынтыт па нях-
тыт. Тар номсынга осьхось верыс Тар ики
катра тухсыт питны! Па няхынгашик, хоты
Сиськи вой ики тув питэта нют ветта наптыс.
Ситы си напытмыт, напытмыт а нэмотты верта
ант мошитл.

— Нанг турен ат омыста ма мув тэремны!—
Сиськи вой ики тявтыс.—Ма кимит па нох
хиртым... А си ма номсэм шук, Тар ики маныт
тэпытсытэ па ма отнгемны няхыт. А ма хотна
па тувыт ма хосема хот тангыта вохсэм... Ям
тухыс, муй лопта. Там турпа сыстамтты Яша
па лопыт... Мин тув питэтны па тюпхая утты-
мын, хотна па тух порайтны яха тэтмын: тув
тэт—ма нянь шукыт акыттым.

— Сар, яит, там вер оша верта мосл,—
турпа сыстамтты хо лопыс.—Манэм отынгны
тэхытыйтта мияты. Ма нын верын нох тэрамт-
тэм. А нанг, Сиськи вой ики, айтта сив
вотыя...

— Ма верем тунг вер, муй манэм патта!—
Сиськи вой ики увыс.—А туп ма Тар икия
рув матым, хоты ма питэмны осьхось верта...

Турпа сыстамтты хо ёхан хонынга омсыс,
тув пунгыта кев ухтыя хаты хир тэтоттаит
понсытэ, веншит па ёшнгыт тэхыттис па лопыс:

— Я, яит, интам сутытта питтув... Нанг, Тар ики,—хут, а нанг, Сиськи вой ики,—тохтынг вой. Ситы ма лоптым?

— Ситы! Ситы!..—исат увытсыт: хутыт па воит.

— Еты потыртта питтув! Хута йингкны утта, а воя нумын утта. Ситы ма лоптым? А мув тэр мувны утл. Ям. Интам вантаты...

Турпа сыстамтты хо тув тэты хаты хырыт нох энгхсытэ, кев ухтыя питы нянь ширам поныс па лопыс:

— Я вантаты: муй тами тамись? Тами—нянь. Ма тувыт рупитсэм па ма тувыт тэтэм; тэтэм па йингк тахтыйны этты яньсемятэм. Ситы! Ситы тэтым па нэмхоята номыс шука ант вертым. Хут па тохтынг вой па тэта тангхаттыт... Нын па сыр тэтот тайтытн. Муй пата тявытта? Сиськи вой ики мув тэр нох хырыс, тув сит рупитыс, сит тув мув тэрыт...

— Яим икие, лопа...—ар мир кутны вась вой турсыие сясис.

Тохтынг воет катна хатсыт па ай хаип ет пелыка эсытсэт. Тув мет турпа сыстамтты хо хоси ванамыс тув вась куриенгытны.

— Яим икие, сит ёвра вер.

— Муй ёвра вер?

— Си муv тэр ма уйтсэм... Там васэт инь-сисаты — тыв вантсэт. Ма тувыт уйтсэм, а сиськи вой ёхтымтыс па тотымтсытэ.

Турпа сыстамтты хо веншит вурта йис. Иса симись вер ант ус.

— Муь иты сит симись!.. тув лопыс, ну-мысман.— Эй, Сиськи вой ики, яна муь нанг тэпыттыйттын?

— Тами антом ма тэпыттыйттым, а хаип тэпыттыйтл. Тув васэт питны яха потремыс...

— Сит муь вер, яим ики... гм... я! Яна ма лоптым? Яна...

— Ситы! Ситы!—па ий тур сыйны исат увытсыт.—А нанг Тар ики Сиськи вой ики питны тэрамта! Хой тын кутны тунг?.. Китым-так сыясьсангын, китымтак нюот ветсангын па исат куртыя тоньсьтыссангын.

— Хой тунга? Ах нын, ёвра хойнгын, Тар ики па Сиськи вой ики! Шангкап, ёвра хойнгын. Ма ныныт китымтак сэнгкытам ант ки ямасьтытн... Я, сора ямасыты, сорашик!

— Яна!—исат ий тур сыйны увытсыт.— Ат ямасьтынгын...

— А рупитым, муv тэр ветым хаип ма нянь шукуытны тапыттэм—турпа сыстамтты хо номыс верыс.—Исат ям номыса йитыт...

— Ям!—па исат увытсыт.

Турпа сыстамтты хо ёшит еты нянь пата шашсытэ, а тув антом ус.

Турпа сыстамтты хо потыртом мар Сиськи вой икины тусы.

— Ах, ворнак! Ах, тэпыттыты!—иса хутыт па воит лопсыт.

Па исат тотмах ювпины ётта хонтата питсыт.

Нянь ширам тавырт ус, Сиськи вой ики тув питэтны хува пуртыта ант мошитыс. Тув ёхан нумпины ётта ёхытса. Ай па ун воет Сиськи вой икия напытсыт.

Иса нюта питсыт. Исат маншитыт, туп нянь шукыт ёхана парийтыт, а сятта па нянь ширам ёхана кериис. А тата тувет хутыт напытсыт. Иса хутыт па воет нюта питсыт. Нянь ширам иса шука тангырсэт па шуктат исат ёхи тэстат. Нянь ширам эвыт нэмотты ант хасис. Хун нянь ширам хот тэсэт, исат ошны ёхытсаит па тывет шенгк етэмынга йисыт. Ётта нюхтантсыт тотмах-сиськи вой, а пант куттыпны тотмым нянь ширам па ёхи тэсэт.

А кашинг турпа сыстамтты Яша ёхан хоньнгны омысл, вантл па няхыт... Па шенгк осьхось сира тывыс... Исат хонтасыт тув эвыттэта, туп ий хаиплэ хасис.

— А нанг муя ант мантын иса ёхтан ювпины?—турпа сыстамтты хо лопыс.

— Па ма си куш, яим ики, пуртыты верем
ут па товаттэм ай. Уны воетны нюхтаим...

— Я, хоты ситы ям си хайплэ. Китымтак
мин тэты-яньсэты хасьсымын. Исипа шимыт
рупитсамын...

Алёнушка ёхан хонинга ёхтыс, кашинг
турпа сыстамтты Яша иньсиста питсытэ, муй
хоты йис, па няхыс.

— Ах, муйсыр тыв иса отшамыт хутыт па
воет! А ма иса ара ортсытам ки, па мув тэр,
па нянь хурып, па тутн нэмхоят нюта ант
питыс. Ма там ванна няты яблоко ортсым...
Асем няты яблокоит тус па лопыт: „Катна
ортатн манэм па Лизая“.

Па ма хутма ортсытам: ий яблоко асема
масэм, кимит—Лизая, а катн ма вусэм.

**ПЕТНГА—ХУВ НЁТЫП ИКИ ПА ПУНЫНГ
ВАН ТЫВЫП ОШНИ ИКИ ОТЫНГНЫ МОНЬСЬ.**

1.

Там вер хатл куттыпны тывыс, хун петнгаит
исат шангк эвыт нюрыма ханемысыт. Петнга-
Хув нётып ики вутынг лыпыт итпия тангыс па
сив воимса. Отл па хутл паттапынг ув сый:

— А-на-на, асем ики!.. А-на-на!..

Петнга ики лыптыт итпи эвыт нох эстымтыс
па иси увыс:

— Муй хоты йис?.. Муй нын увтыты?

А петнгаит янгхтыт, сомыйтыт, сомыйтыт, —
нэмотты оша верта ант рахыт.

— А-на-на! Мунг нюрмева мойпыр ёхтыс
па иты отмиис. Хоты торна отымтыс, ситы
ветсот петнга пасиртыс; хун тыт татмыс — па
сот петнга ёхи нетэмыс. А-на-на, шук, яиет!
Мунг тув эвыттэт куртув вурана йира татсы-
тув, а си антом ки, мунг иса сех пасиртсаюв...

Петнга-Хув нётып ики ий сиртны хот тыка-
сис мойпыр па отшама сомыйты петнгаит пета.

— Эй нын, вотыяты сомыйта! — тув уве-
мыс. — Я ма ин мантым па мойпыр йира во-
шаттэм... Сит шенгк ай вер! А нын туп нюра-
вара увтыты...

Па верашик тыкасис Петнга ики па пуртэ-
мыс. Яна си, нюрым харны мойпыр отыс. Мет
тюк торн сама тангмат, хота петнгаит хув вуш
эвыт усыт, иты отыс па нётны шовиит, туп
шухты сый сясыл, ат мунты хоят турпаны ёнтл.
Муй етэмты уксим!.. Па хоят тахия тангыс,
си арат петнга нюра-вара сех тапылмыс па
хотна па ситы эптынга отл!

— Эй, акем ики, хотта нанг си тангсын? —
Петнга ики увемыс иса унт туваттыя, ситы
сыинга, хотна па тувет паттапа йис.

Пунынг Ошни ики ий сэмыт нох пунш-
сытэ — нэмхоят ант катл, кимит сэмыт нох

пуншсытэ — туп-туп катыс, тув нётыт нумпины петнга янгхыт.

— Нанген муй мосл, рахты хо? — Ошни ики ломемыс па тыкасьта питыйтыс: — „Хоты, туп ма рутсита иты отсым, а тата хоят хом юх нёнгхыртл“.

— Эй, татынга уттэн путянг йира мана, акем ики!..

Ошни ики китымтак сэмнгыт нох пуншсытэ, петнга пета вантыс, нётытны пусэмыс па исат хот тыкасис.

— Я муй нанген мосл, хом юх? — тув оремыс.

— Мунг тахев эвыт, йира мана, ма осьхось верта ант люпиттым... Ошнен питны ма нангыт ёхи тэтэм.

Мойпыр няхынга йис. Тув па пелкыта каремыс, веншит ёшнгытны лап отсытэ па ин си ёнгхрымтыс.

2.

Петнга ики ёхты тув петнгатат хоси пуртэмыс па иса нюрым увыт:

— Туса ма паттаптысэм Пунынг Ойка... Па пуш ант ёхытл.

Петнгаит умысьтысыт па иньсистыт:

— Я, интам па хота мойпыр?

— Па ант утэм, яиет. Шенгк пакныс, хун ма тувет лопсым, йира ки ант мантл, ма тувыт ёхи тэтэм. Ма хоты осьхось верта ант люпиттым, а ситы тунга лопсым: „ёхи тэтэм“. Паттым, тув пакным рувытны ант хатыс тутн, ма нын хосетна янгхты маремны... Муй сит, тув вунават!

Петнгаит сыясьтыт, хомыйсыт па хув мар вурасьсыт—хоты тывет верта атым мойпыр питны. Хотна нэмхунты нюрымны тамись паттап сый ант утыс. Петнгаит сыясьсыт, хомыйсыт па номыс версыт мойпыр нюрым эвыт йира вошатта.

— Тув хотла унта ат мантл па тота отл. А нюрым мунгев... Па мунг аситув, сятсяситув мет там си нюрымны усыт.

Ий ям номсыннг пирысь Петнга ими лопыс мойпыр рома хайта: тув ат отл, а хун отмыт тармыт, тув тувы йира мантл; па си ими пета ситы напытсыт, кунярие туп-туп хот ханемыс.

— Мантув, яиет!—мет сыинга Петнга ики увыс.—Мунг тувет рувны матэв... Си!

Петнгаит Петнга ики юпины манамысыт. Маныт па сый вертыт, хотна па тывета паттапа йит.

Ёхытсыт, вантыт, а мойпыр отл па ант нёхатл.

— Я, ма ситы си па лопсым: сорма йис кунярлэ пакынмат рувны!—Петнга ики ишка-сис.—Хотна па еша шатьшик, том муй хора-сып уны так мойпыршиви.

— Па хоты, тув отл, яиет,—мойпыр нёта пуртэм па хась тохи ант сухтым ай петнга-лэ сый верыс.

— Ах, етэмты хо!—петнгаит исат ий артны увытсыт.—Ветсот петнга пасиртыс, сот петнга ёхи нетэмыс па тув отл, ат мунты нэмотты вер ант верыс...

А Ошни ики отл па нётытны шухыт.

— Тув нэман отты рохып верыс!—Петнга ики увтыс па мойпыр ухтыя пуртэмыс.—Я ма интам тувет рув матым... Эй, ики, тармыт рохып верта!

Хоты Петнга ики пуртэмыт, хоты тув хув нётытны пухытмыт мойпыр питы нёта, мойпыр шангкап нох эстымтыс. Нёт эвыт ёшны куншемысы, а Петнга ики ат мунты ант утыс.

— Муй, аки, ант мустыс?—сыясьл Петнга ики.—Йира мана, антом ки, атма йит... Ма интам антом атэт Петнга-Хув нётып ики, а ма питэмны тыв па сятсясем Петнгашиви-Хув

нэтып икишиви, па йивпохем Петнгаие-Хув нэ-
тып икилэ! Йира мана, аки!

— А ма ант мантым! — мойпыр увтыс, шанш
пелык курнгытата омысман. — Ма ныныт исат
пасиртытам!

— Эй, аки, нюра-вара ишкасьтын...

Па си пуртэмыс Петнга ики па пайтыя
мойпыр сэма пухытмыс. Мойпыр каши эвыт
хот увтыс, тувыт веншл эвыт ёшны кунше-
мыстэ, па йитпа ёшетны нэмотты антом,
туп куншлны сэмыт нох хась ант меным-
сытэ.

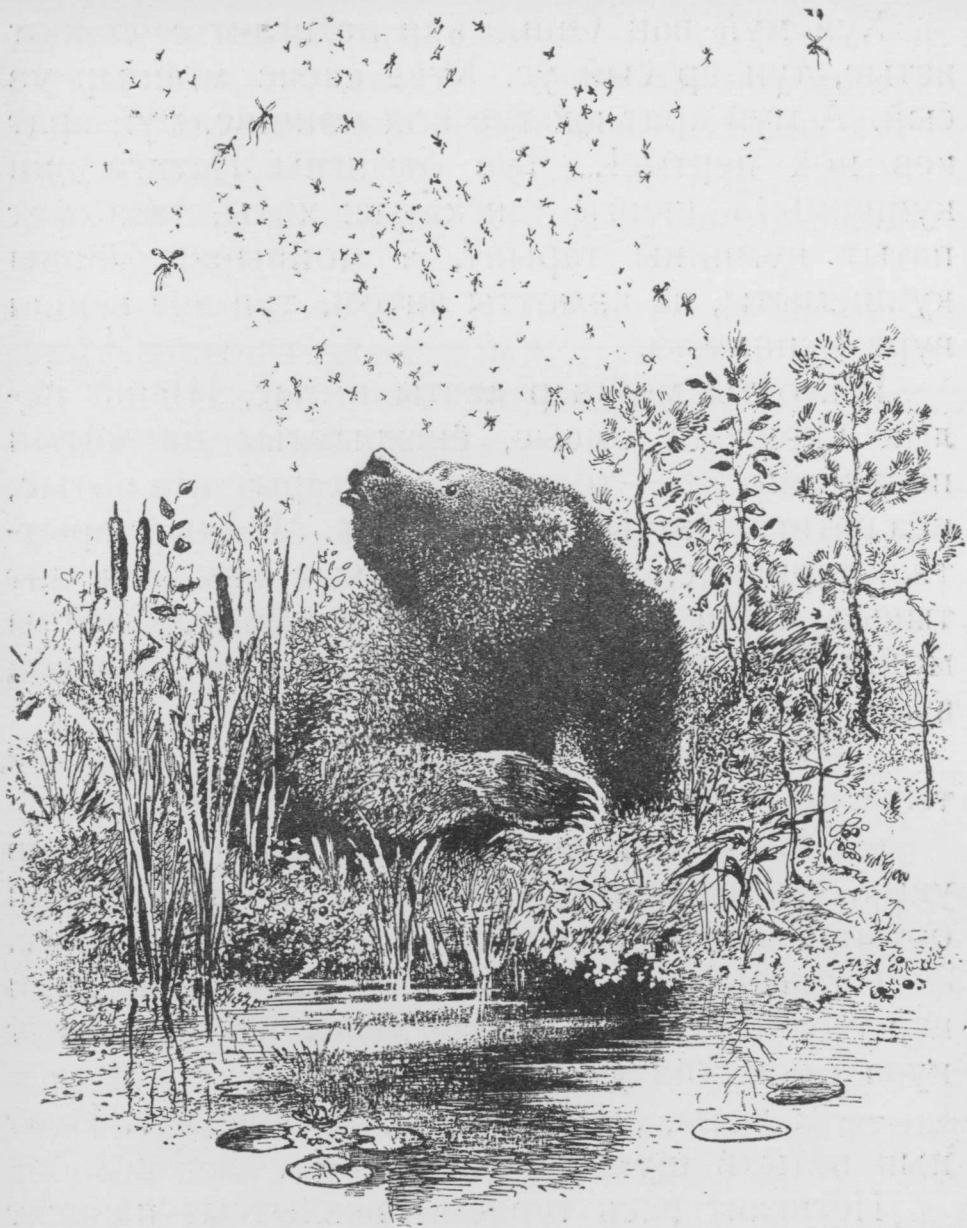
А Петнга ики мот мойпыр пат нумпины
янгыт па сомыйтл:

— Ма нангыт ёхи тэтэм, аки.

3.

Шенгк тыкасис мойпыр. Татынг сумыт юх
тэртат питны нох менмыс па ситны петнгаит
сэнгкта питыс. Си кем си тангкыр этты сэнг-
кыт. Сэнгкыс, сэнгкыс, па туймыс, а ий ветым
петнга па антом, — иса тарыйтыт тув нумпетны
па хомыйтыт. Сятта мойпыр тавырт кев атэмыс
па петнгаита китсытэ, — па нюра-вара.

— Муй, вусын, аки? — Петнга ики хо-
мыс. — А ма нангыт исипа ёхи тэтэм...

Хув муй ван Ошни ики петнгаит есят нют ветыс, туп ар сый ус. Хува сясис мойпыр ув сый. А муй арат юх тув нох маншис, муй арат кев нох пертыс!.. Тув отынгны Петнга ики куншемыта шенгк тангхатыс: хоты, тата мет патыт нумпины тарыит, а мойпырны ёшны куншемыты, па нэмотты антом, туп иса веншл вура куншсытэ.

Иймотты мойпыр вевты питыс. Шанш пелык курнгыта омсыс, ёнгхрымтыс па йитып пись нумысыс,—торн ухтыны тарыттита питыс, иса петнгаит этты пасирты пата. Мойпыр тарыттис, тарыттис, иси па сит эвыт нэмотты ант тывыс, а туп па верашик тув туймыс. Сиртны мойпыр веншл тунгка ханятсытэ — па си киньси атма йис.

Петнгаит мойпыр тывыта каттысыт. Шенгк тыкасис мойпыр.

— Айтта сар, ма ныныт матым!—ситы тув увыс, сит вет верста вута сясис.—Ма нынан осьхось вер ваныттытым... Ма... ма... ма...

Петнгаит йирашик мансыт па тавыттыт, муй вер тывыт. А мойпыр юха хунгхийтыс, мет кут нува омсыс па увыт:

— Я хоты, интам ма хосема юваты... Исат нын нётытн шупа мурыттытам!..

Петнгаит вась туриены няххытсыт па исат

мойпыра напытсыт. Сомыйтыт, тарыйтыт, вураттыт... Сэнгканьсис, сэнгканьсис мойпыр, ант уйман сот кем петнга ёхи нетэмыс, хуттитатса, роман юх нув эвыт хир иты кериис... Нох тотис, кашатым пунгтыт еша куншсытэ па лопыт:

— Я, муй вусты? Вантсытн, хоты па юх эвыт апрынга навыртым?

Па васяшик петнгаит няххытсыт, а Петнга ики мет сыинга увыт:

— Ма нангыт ёхи тэтэм... Ма нангыт ёхи тэтэм... тэтэм... тэтэм!

Мойпыр иса вевты питыс, юрты питыс, а нюрым эвыт йира манта етэм. Омысл курнгытны па туп сэмнгытны лапсыит.

Сопраны тув тытыт тавытса. Торн пай эвыт нох эстымтыс шанш пелык курнгыта омсымтыс па лопыт:

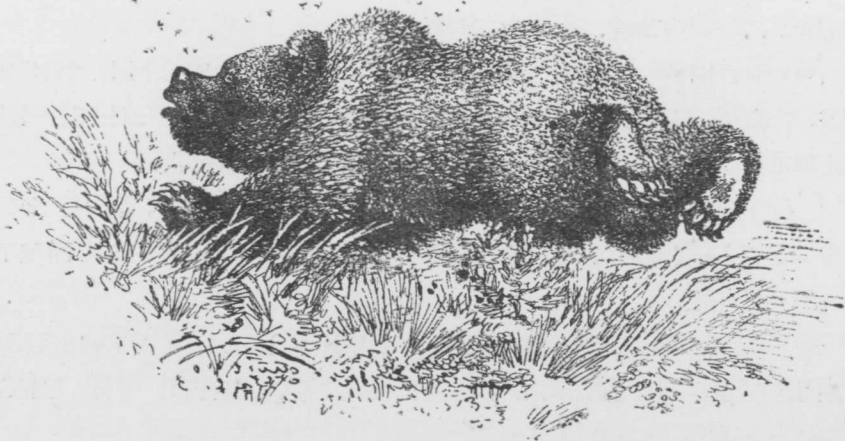
— Ойка ики, нанген муй каш, ат утты каша нангыт шукатта?.. Нанг ат хутынта си уксим петнгалэт. Ант мосл.

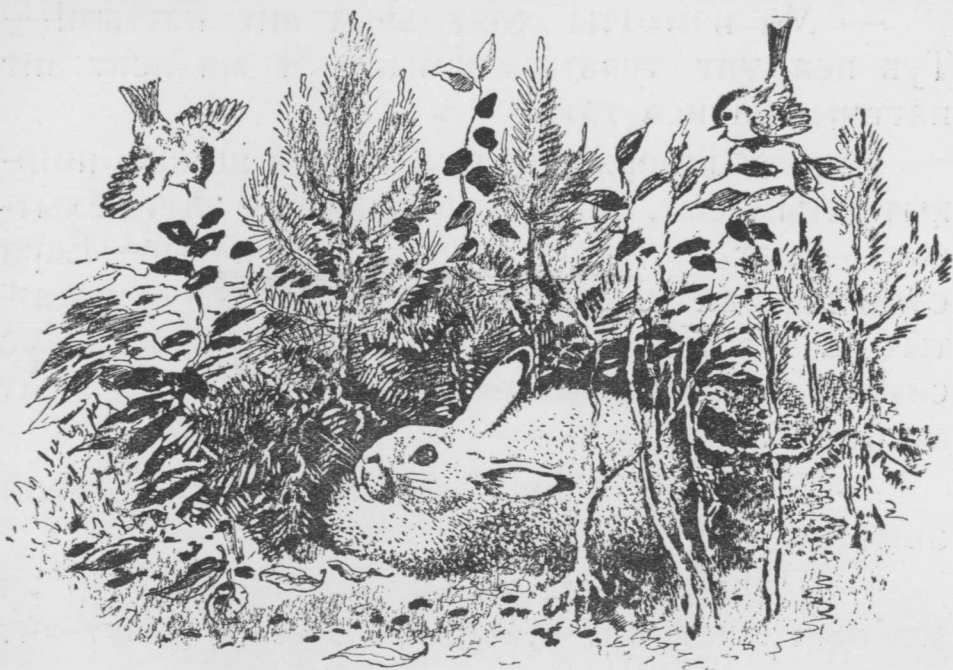
— Па си ант мосл,—мойпыр амтыс.—Ма тами ат... Тыв ма хосема унгха ат ёхыттыт, па ма... ма...

Хоты каремыт мойпыр, хоты хухытмыт нюрым эвыт, а Петнга-Хув нётып ики тув ювпетны йит, йит па увыт:

— А-на-на, яет, каттаты! Мойпыр хонтат...
аттаты!

Петнгаит исат акымсыт, потремысыт па но-
мыс версыт: „Ант мосл! Ат тув мантл,—хоты
нюрим мунгев хасис!“

**ХУВ ПАТЫЦ—ЁВРА СЭМЫЦ—ВАН ТЫВЫЦ АПРЫЦГ
ШОВЫР ОТЫЦГНЫ МОНЬСЬ.**

Шоврлэ унтны сэма патыс па иса эвыт патыс. Хотты юх нув муремыт, вой пуртэмыт, юх эвыт тоньсь похыл иты керит,—шоврлэ самыт кур патнгыта.

Шоврлэ ий хатл мар патыс, кат хатл мар патыс, тапыт мар патыс, от мар патыс, а сятта тув уна йис па тувет патта нерата йис.

— Ма нэмотты хоят эвыт ант паттым!—
Тув иса унт тувата увемыс.—Я ма исат ант
паттым, па иса тата.

Пирысь шоврыт актысьсыт, ай шовыр пош-
хыт ёхтымтсыт, пирысь шовыр имет айтта ёхыт-
сыт,—исат хутынттыт, хоты Хув патып—Ёвра
сэмып—Ван тывып шовыр ишкасьл,—хутынт-
тыт па тув паттата ант эвыттыт. Хотна ант ус
симись вер, тутн шовыр нэмотты хоят эвыт
ат патыс.

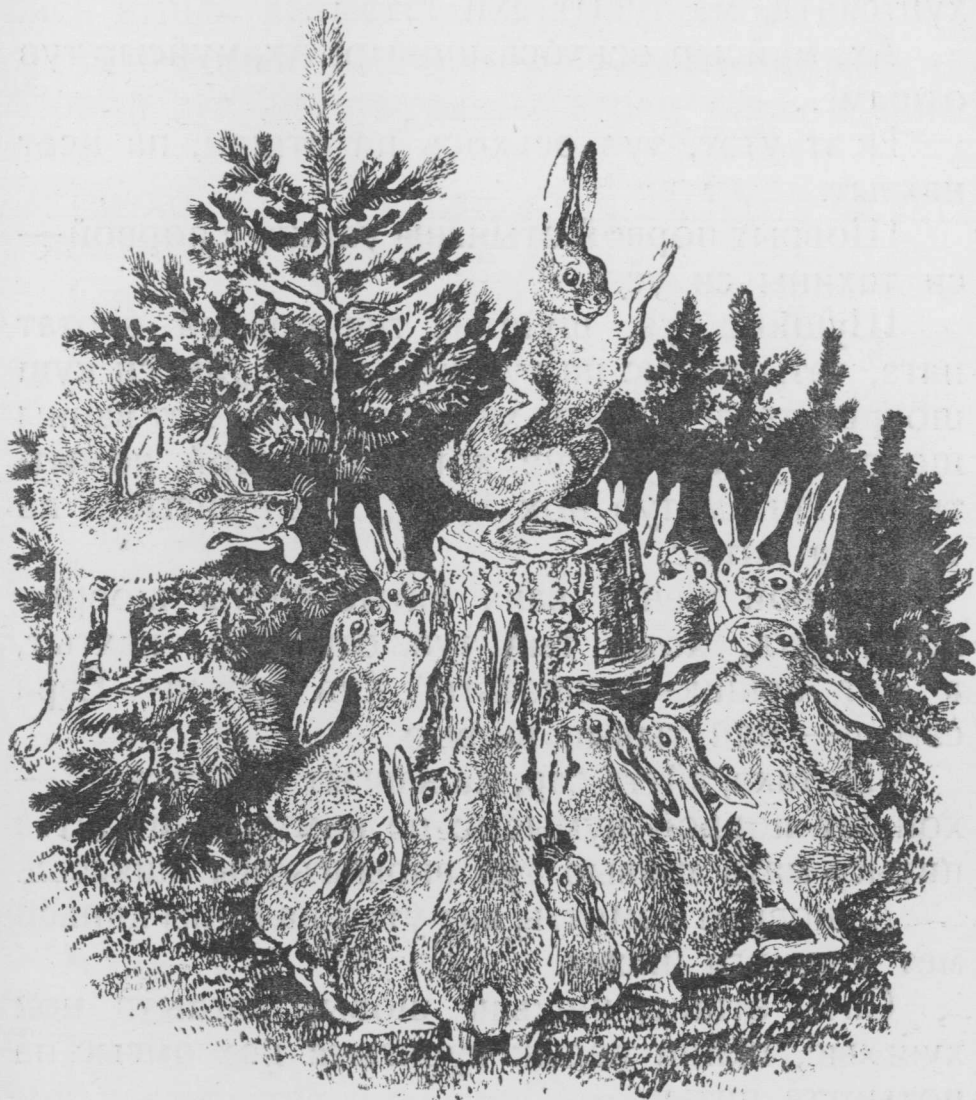
— Эй нанг, Ёвра сэм, нанг муй порвой
эвыт па ант паттын?

— Порвой эвыт па ант паттым, вохсар па
мойпыр эвыт ант паттым, нэмхоят эвыт ант
паттым.

Тами шенгк осьхось вер тывыс. Ай шов-
рыет няххытсыт, венштат ёштатны лап лангк-
ман, нявлык пирысь шовыр имет няххытсыт,
па вохсар ёша питыйттым па порвой пенгка
питыйттым пирысь шоврыт няхмолынга йи-
сыт. Шенгк няхынг шовыр!.. Ах, муйсыр ня-
хынг...

Па роман исат кашинга йисыт.

Тарынтта, навырта, эстымтыйтта па хо
ювпины па хо нюхтыйтта питсыт, метмотты
исат отшама йисыт.

— Па муй тата хув потыртта!—иса апрынга ювым шовыр увыс.—Манэм порвой ки хунтсаянтл, ма тувыт ёхи тэтэм...

Ах, муйсыр осьхось шовыр! Ах, муйсыр тув отшам!..

Исат утэт, тув осьхось па отшам, па исат няхтыт.

Шоврыт порвой отынгны увтыт, а порвой—си тахины си ус.

Шушиис тув, шушиис тув порвой вертат пата, тэты питыс па туп нумысыс: „Ям си куш шоврые тэта!“—хоты хуттытэ, хотты мет ванны шоврыт увтыт па тув, хопшат порвой, номытитта. Интам тув нох тотис, эпыт эпсыстэ па томеста питыс.

Порвой шенгк вана ёхтыс ёнтты шоврыт хоси, хутл, хоты тыв тув отынгны няхтыт, а мет аршик—ишкасьты Хув патып—Ёвра сэмып—Ван тывып шовыр.

„Э, таха, айтта сар, ма нангыт ёхи тэтэм!“ — хопшат порвой нумысыс па кимты вантыйтта питыс, мата шовыр тув апынгытны ишкасьл.

А шоврыт нэмотты ант утты па сыры киньси мет кашинга йисыт.

Ситы етшис, ишкынг шовыр анкыта нох хунгхыс, шанш пелык курнгыта нох омсыс па потыртта питыс:

— Хутынтаты нын, паттапынг ёх! Хутынтаты па вантаты ма петэма. Я ма интам ий пиль нынан ванттытым. Ма... ма... ма...

Тата роман ишкасьты хо нятмыт сив потса. Шовыр тув петэта ванты сёрем порвой шиватыс.

Па хоит ант вантсэт, а тув вантсытэ па ант мошитыс тыт няремыта.

Сятта тата симись осьхось вер тывыс.

Ишкынг шовыр нох эстымтыс, мячик иты, па пакным рувытны шома порвой вутынг венш сякыта керийс, нюмыр поталыя таремыс порвой шанш хуват, ий пуш па нумын каремыс па сятта ситы хонтата питыс, метмотты ким си навырмыт тувы сохыт эвыт.

Хув хухтыс куняр шоврие, хухтыс иса юрты питтат унта.

Тув иса нумысыс, тув ювлетны порвой нюхтантл па си-си пенгкытны куншемыты.

Иймотты кунярие иса юрты питыс, сэмнгыт лап пентсытэ па хатыма варси пай итпия керийс.

А порвой си пораны па пелык пета хухтыс.

Хун шовыр тув ухтэта керийс, тув нумысыс, хоятны тув пушканны эслса.

Па порвой хонтас. Шимыт муй унтны па шоврыт уйтта рахыт, а тами муйсыр отшам шовыр ус.

Па шоврыт хув оша йита ант мошитсыт. Хой варси пая хухтыс, хой анкыт томпия ханемыс, хой муv лота тангыс.

Иймоттыны иса ханятыйтта нерата йис, па хой апрынгшик айтта кимты вантыйтта питыс.

— А муй мунг шовревны порвой тус пакныптысы! — исат нумыссыт. — Тув ки антом, мунг тытынга йира ант мансуv тутн. Я хота тув, мунг паттапты шоврев?..

Каншта питсыт.

Янгхсыт, янгхсыт, нэмхотты антом апрынг шовыр.

Муй тув па порвойны ант тэсы?

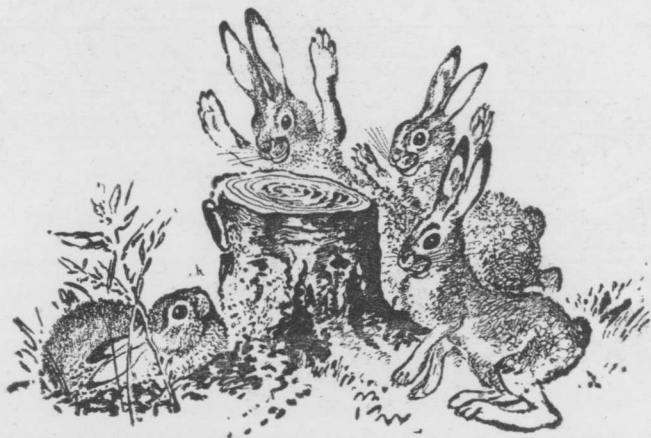
Иймоттыны си уйтса: уны варси пай итпины муv лотны хусты-сыйты отл па туп тытынг пакным руvыт эvыт.

— Ям, Ёвра! — ий тур сыйны иса шоврыт увытсыт. — Я нанг Ёвра!.. Туса нанг пирысь порвой пакынтсэн. Пумасипа! А мунг нумыссуv, нанг ишкасьтын.

Апрынг шовыр кашингашик йис. Тув лотл эvыт ким этыс, паркатытыс, сэмнгыт лап ханымсытэ па лопыс:

— А нын па хоты нумыссыты! Эх нын,
паттапынгыт!..

Си хатл вуш эвыт апрынг шовыр сам ну-
мыста питыс, хоты тув яна нэмхоят эвыт
ант патл.

**ПИТЫ УХЫШ ВОРНГА ПА ВОСТЫ КАНАРЕЙКА
СИСЬКИ ОТЫНГНЫ МОНЬСЬ.**

Ворнга сумыт юхны омысл па нётытны нув хуват сэнгкыт: хлоп-хлоп. Нётыт нох сыстам-тыс, лакка анкырмыс, па хоты вархытл:

— Варх!.. Варх!..

Ократ ухтыны мангынты кати Васька пак-ным рувны хась иты питыс па ломыйта питыс:

— Муй нанг вертын, питы ух... Турымны масын симись турны!.. Муй пета нанг амытсын?

— Йира мана! Нанг муй ант вантэн, ма кумем антом? Иса кумем антом!.. Варх-варх-варх!.. Па иса верыт па верыт.

— Туимсын, кунярие!—Васька няххытыс.

— Хуста ута, пунгтэнны отты хо! Нанг иса пунгытнгытан отсытан, нанг верен туп хатлны хошмыттыйтта, а ма атынг вуш эвыт ротан уттэм ант утэм: янг хот тангытны омыссым, ий вош пелык янгхсэм, иса вош хулэт па сунгыт вантсытам. А па том хот вуськува пуртэмийтта мосл, хар лапкая янгхта, оситны хирантта... Муй ма нанг питэнны нюра-вара пора утшитым, —кумем антом. Иса кумем антом!

Ворнга ювотынг пуш нётытны нув нухсыс, ара шохартыс па туп пуртэмыта вутситыс, роман паттап сый хутмытыс. Сиськи вой пакыт маныс, а сырыя моттысыр восты ай воие маныс.

— Яет, нох каттаты тувыт? А-на-на, каттаты!—сиськи воет увсыт.

— Муй симись? Хотта?—ворнга увтыс, сиськи воет ювпины нюхтысман.

Ворнга янгтэм пуш марыкнгыт ёвытмыс па сиськи вой пакыт ётта ёхытсытэ. Восты воие

иса юрты питыс па ай сада ёхтыптыис. Тота сирень юхыт, шумши па юм юхыт энымсыт. Тув тув ювпетны йиты сиськи воет эвыт хане-мыта вутсийтыс. Восты воие варси пай итпия тангыс, а ворнга сята си ус.

— Нанг тами хой? — тув вархнитыс.

Сиськи воет варси пай иса лап вусэт, метмотты хоят сив анькыш шошмыс.

Тыв восты воие пета ты-касьсыт па тувет пухытта вутсийтсыт.

— Муй пата нын тувыт шукаттыты? — ворнга иньсисл.

— А муя тув восты? — ий унты иса сиськи воет увытсыт.

Ворнга восты воие пета вантыс: шангкап си восты, — ухытны ёвытмыс па лопыс:

— Ах, нын ёвра ёх!.. Тами антом сиськи вой!.. Муй тамись сиськи воет уттийттыт?.. Я сар манаты йира... Манэм там осьхось отыт питны потыртта мосл. Тув туп сиськи вой хо-раса вернсыит...

Сиськи воет сотятсыт, мурантсыт, па ве-рашик тыкасьсыт, а па муй верта — йира манта мосл.

Ворнга питны потрыт ваныт: хун нётытны нухымтытэ, тыт нох маныт.

Ворнга сиськи воет йира вошатман восты воие иньсиста питсытэ. Сиськи воие тавырта тыт таттыс па питы сэмнгытны шатя вантыс.

— Хой нанг тамись?—ворнга иньсисыс.

— Ма канарейка...

— Туп ат тэпыттыйта, антом ки, атым тывыт. Ма антом ки усым, нанг сиськи воетны нухсаин...

— Яна си, ма—канарейка.

— Хотся нанг ёхытсын?

— Ма клетканы усым... Клетканы сэма питсым, энымсым па усым. Ма иса тангхатсым пуртыттита па сиськи воет иты. Клетка ишни ухтыны омсыс па ма иса па воет пета вантсым... Ситы тывет кашинг ус, а клетканы ермат. Я, ай эвие Алёнушка йингки аны тус, овем пелка пуншсытэ, а ма ким пуртысым. Хот хуват пуртыйтсым, пуртыйтсым, а сятта форточка эвыт ким этсым.

— Муй нанг клетканы версын?

— Ма яма арийтым.

— Я хоты, арема.

Канарейка аремыс. Ворнга ухыт ий пелка макырсытэ па умсяттыс:

— Тами нанг ария вохтэн? Ха-ха!.. Отшамыт нанг кусяйтан усыт, тамись ари пата нанг ки таптыйтсаин. Хоят тапытта ки, тутн ма хорасэм ошинг-сирынг. Матхатлны увытсым, сиртны ёврынг Васька ократ эвыт иты хась кериис. Я тами ари си!..

— Ма Васька утэм... Мет паттап вой!.. Тув си арат пуш томыттыис мунг клеткаев хоси. Сэмнгыт востэнгын па ситы си суттынгын, кунштат ким эсл...

— Я, хоя паттап, а хоя па антом... Тув шенгк тэпытты хо—сит яна, а паттапа нэмотты антом. Я, сит отынгны сятта потыртмын... А ма иси морт ант эвыттым, муй нанг шангкап вой...

— Яна ма, адем ими вой, шангкап вой. Канарейкаит исат сиськи воет...

— Ям, ям, ванттув... А нанг хотысат утта питтын?

— Манэм шимыт мосл: моттыкем тант сэмыт мостыт, сакар пулые, сукары пулые— сятта ма сыта си йитым.

— Ишь, муйсыр пояр ими! Мосынг сакар такты уттын, а тант сэмыт мотты сырны уиттын. Нанг манэм мустытын. Кашасьтын ма питэмны утта? Ма сумытны ям тыхыт тайтым.

— Пумасипа. Туп том сиськет...

— Ма питэмны утта ки питтын, нэмхойтны нэш туйны ант хойтаин. Антом па сиськетны, а тэпытты хо Васька маныт яма уттэ. Ма осьхось верта ант люпиттым...

Канарейка си путянг ям номыса йис ворнга питны пуртэмыс. Муй па, тыхыт ям, сукары па сакар пулые утл ки, сиртны шенгк ям.

Ворнга канарейка питны ий тыхытны утта— хотта питсангын. Ворнга куш ломыйты вой, антом па тыкынг. Тув туп си верыт атым, иса хоятыта умсяттыис, а тувыт шукатты хоя тунгытсытэ.

— Я мует ям отшам сиськурекыт ма кинсянгом? А тыв тапыттаит, тавыттаит,— тув канарейкая ёртыптыс.— Исипа голубит... Муй тыв ям вер вертыт, а тух пораны па тыв кунштэт вась тантны воськитаит. Па иси отшам вой... А ма хун ванашик пуртэмытым, ма иси курымны йира вошатта питаим. Тами муй тунг вер? Па ётта вошатман тявыттытыт: „Эх нанг, ворнга!..“ А нанг касятсэн, хоты ма па воеет киньси ям па хорамынг?.. Мунг отнговны ситы лопта куш ант рахыт, а тыв парттыт. Яна антом муй?

Канарейка иса си ястыс:

— Яна, нанг уны вой!..

— Па ситы си. Попугаит клетканы тайтаит, па тыв яма тайтаит, а мует тыв ма кинсянigem ям?.. Сит, — мет отшам вой. Туп уттэ увта па ломытта, а нэмхойт оша верта ант мошитл, муй отынгны тув ломыит. Яна муй антом?

— Яна, мунг хосевны па попугай ус па шенгк хоята тэлмыт.

— Па муй шимыт па сыр вой акытта рахыт, ат нюра-вара утты воет!.. Скворцаит, мет-мотты отшам воет, ош антом хотсясыт, ёхыт-тыт, тунг мар уттыт па си мантыт. Рапыт, вурсикыт, вош-вош нэнгыт — шимыт муй муйсыр уксимыт актысьтыт. Ит па ошинг сирынг вой антом... Туп иськи эпыта авытмыт, — исат мантыт, хотта сэмтат каттыт.

Ворнга па канарейка тын кутны ант пони-майтсытын. Канарейка утня утыпсы ант утсытэ, а ворнга клетканы утыпсы ант утсытэ.

— Муй нэмхунты, адем ими, нанг нэмхойтны тант сэмны ант ювтыйтсаин? — канарейка умсяттыс. — Я, ий тант сэмны?

— Муйсыр нанг отшам... Муйсыр тата сэмыт? Туп ванта, тутн хоятны юхны муй кевны ант ат веттаин. Ханнэхоит шенгк тыкынгыт...

Ювотынг потыр канарейка исат оша ант верыс, сиртны тув ханнэхоитны таптыйтса.

Мосынг ворнга ат ситы нумысл... Си киньси канарейка ханнэхо тык вер сора оша версытэ.

Тув ий пуш ократ ухтыны омсыс, па роман тув ухыт нумпины тавырт кев сювыйман маныс. Вош хулы хуват школа нявремыт мансыт, ократ ухтыны ворнга шиватсыт, — хоты тув пета кев ант китта?

— Я муй, интам вантсын? — ворнга иньсисыс, хот тангыта татман. — Ханнэхоит иса там сит.

— Мосынг, адем ими, нанг тывет мотты атым вер версын?

— Нэмотты ант версым... Ат ситы тыкасыт. Тыв иса маныт ант люпиттыт...

Канарейкая куняр ворнгаие шатя йис. Тув нэмхоятны-нэмхоятны ант люпитса. Па хоты ситы утта ант рахыт...

Врагыт ар ус. Например, кати Васька... Муйсыр воянг сэмнгытны тув иса сиськи воет пета вантытыс, отменга ракыт, сит канарейка тув сэмнгытны вантсытэ, хоты тув ай, утта ант хошты сиськи воие куншемыстэ, туп тувтат мошийсыт па пунтат пуртэмысыт... Ух, паттап! Сятта воршит — па ямыт: нумын карысьны усиит, а сятта кев шуп иты па итты кериит па мотты утняя утты вой ухтыя. Канарейка па вантыс, хоты ворш сиськурек поших тустэ.

Ворнга ант патыс, антом кати эвыт, антом ворш эвыт, па тув си куш сиськи воие тэта кашасис. Отынгны канарейка ант веритыс, а сятта тув сэмнгытны вантыс. Ий пуш тув вантыс, хоты сиськи вой пакыт ворнга ювпины нёхтантыс. Мантыт, солыйтыт, увтыт... Канарейка шенгк пакныс па тыхыта ханемыс.

— Мие, мие! — сыинг турны сиськи воет увсыт, ворнга тыхыт нумпины янгхман. — Муй там симись вер? Там ворнак наптыпсы!..

Ворнга тув тыхыта тангемыс, па канарейка пакынман шиватсытэ, хоты ворнга кунштатны хатым, вуренг сиськи войлэ тус.

— Амем ими, муй нанг вертын?

— Хусты! — ворнга хишимтыс.

Тув сэмнгыт паттапнгын уснгын, ситы си суттытнгын...

Канарейка пакынты вер эвыт сэмнгыт лап хансытэ, тутн ант ат катл, хоты ворнга шукынг сиськи воие маншита питтытэ.

„Я ситы тув маныт хунты па ёхи тэттэ“, — канарейка нумысыс.

Па ворнга тэтат ювпины кашинг пуш ям номыса йис. Нётыт нох сыстамтл, хотты нув ухтыя па тусашик омысл па эптынга мангынмыт. Канарейка оша версытэ, амет ими шенгк нетынг па нэмотты эвыт ант уксимтыс. Муй

нянь хурып пулые тутл, муй тьим нёхи пулые,
муй тэвым тахи эвыт хасим отыт хулэнг
йингк шошимты лотытны каншсытэ.

Сит ворнга мосты верыт усыт, па кана-
рейка иса оша ант верыс, муйсыр сит пись,
хулэнг йингк шошимты лотытны хирта. Ворнга
отынгны ёврая лопты ант рахыс: тув кашинг
хатлны си арат тэс, муй арат хус канарейка ант
тэвтыт тутн. Ворнга туп тэтот отынгны нумы-
сыс... Хотты хот тангыта омысл па вантыйтл.

Хун ворнгая тэтот каншта шук, тув осьма-
рынга верантыйтыс. Хун касятл, сиськи воет
мотты сукыттыт, иси курымны сив напытл.
Метмотты мухты мантл, а тув сыинг турны
увытл:

— Ах, кумем антом... Исат кумем антом!..

Пуртэмыт, тэтот куншемыт па и симись ус.

— Ситы атым вер, адем ими, па хоят эвыт
хот няремыта, — ий пушны кантасим канарейка
ястыс.

— Сит хоты атым вер? А ма ванкутл тэта
тангхатым ки?..

— И па ёх па кашасьтыт...

— Я, па ёх тыв отнgetны тыв ат нумыстыт.
Сит хоты нын мосты вевты воет клеткаитны
исат тапыттытайтын, а мунг сам тэтот канш-
тув. Па сит муй ар тэтот нанген па муй сиськи

воя мосл? Тант сэмьет нухсын па хатл мар
нанг сыта йитын.

Тунг сора парыс. Хатл иськияшик йис па
хаттыт ванашик. Ертынга йис па иськи вот
потл. Канарейка тувыт мет шукынг воя ту-
нгытсытэ, мет шопынг хун ертынг ус. А ворнга
метмотты нэмотты ант утл.

— Муй сит эвыт, муй ертынг? — тув умся-
тыс. — Ертл-ертл па яма йит.

— Па хоты иськи, адем ими! Ах, хоты
иськи!..

Мет шопынг атны атма ус. Йингки кана-
рейка иса ториит, а ворнга хотна па тыкасьл.

— Вот мосты вевты нэ!.. Хоты йитн, хун
иська йит па тоньсь питл.

Ворнгая шатя йис. Муйсыр там вой, хун
тув ерт, вот па иськи эвыт патл? Хоты тамиты
новы мувны утта ант рахыт. Тув па си нумыста
питыс, вой муй антом там канарейка. Мосынг
тув туп сиськи вой хорасыпа вернсыит...

— Яна, ма, адем ими, путянг сиськи вой! —
канарейка хоттыман лопыс. — Туп манэм иськи
уттиит...

— Я си вер си! А ма иса нумыстым, нанг
туп сиськи вой хораса вернсыйттын...

— Антом, яна ант вернсыйттым.

Тух пораны канарейка тув утыпсэт отынгны

така нумысыис. Ям си куш клетканы хасьта... Тота хошим па сытынг. Тув ар пуш си ишни хоси пуртэмтыс, хота тув утым клеткает ус. Тота вуш кат йитып канарейка омыссангын па тув петэта умысьтыснгын.

— Ах, шенгк иськи!— иськины потым канарейка шукасьман увыс.— Маныт ёхи эстаты.

Иймоттыны, хун канарейка ворнга тыхыт эвыт ким ангкырмыс, тув шиватыс: ат мар мув отынг тоньсьны лап лангксытэ. Иса лакканы новыя ус. А мет шопынг— тоньсь лап лангкыс иса си сэмыет, матотны канарейка тэс. Пасяр юх хасис, па тув ант мошитыс си восьремынг воньсимот тэта. Ворнга— си омысл, пасяр нухтытэ па ишиктытэ:

— Ах, ям воньсимот!..

Кат хатл кем тэты утман, канарейка патта птыс. Муй етты пйтл?.. Ситы тэты хатта рахыт...

Канарейка омысл па шукасьл. А тата вантл си унтлтыйтты нявремнгын ёхытсангын, мата отнгын ворнга кев тахсангын. Тын мув харыя хотып тэрмытсангын, эптынг лён семаит шошимсангын па хонтамыснгын.

— Па тын антом кантынгнгын там похнгын,— канарейка амтыс, ар тарпытым хотып пета вантман.— Амем ими, похнгын манэм тэтот туснгын.

— Ям тэтот, муй лопта! — ворнга ломыис. — Туп нанг ат нумыса нётэн сив метшита... Хут-тэн? Хун семаит нухта питтын, хотыпа питтын.

— А сятта муй питл?

— А сятта па клеткая омсыптытын.

Канарейка нумыста питыс — па тэта кашасъл, па клеткая ант кашасъл. Иськи па тэты си куш, па утняя утты ямшик, мет шопынг хун ерт антом.

Моттыкем хатл канарейка пакыс, я хоты иськи — антом рахты нэ, тэтотны хосьман хотыпа питыс.

— Ёх, тытэм таттаты!... шать тур сыйны тув увыс. — Ма нэмхунты ант питтым... Хотна ямшик тэты хатта, клетканы утты киньси.

Интам канарейкая нэмотты ям антом ус, новы муvны ворнга тыхыт киньси. Па си куш иськи па тэты ус, а утняя. Хотта кашасис, сив пуртэмыс... Тув хотна па сялта питыс. Ин похнгын ёхыттынгын па си клеткая омсыпта...

Тув оит пата мухты ворнга маныс па шиватсытэ, муй атым вер.

— Ах нанг, отшам!.. — ворнга ломыис. — Ма, хоты нанген лопсым, тарып ат кетма.

— Амем ими, па ант питтым...

Ворнга мосты пораны ёхтыс. Похыт вуш хухытсыт, катлым от вута туп ворнга тыв

ёхыттэт унта хотып ара менымсытэ па канарейка йитпа утняя питыс. Похлэнгкенгын ёвра ворнга хув нёхтыйсангын, тув петэта юх па кев тахсангын.

— Ах, хоты ям!—канарейка амтыттис, йитпа тув тыхтыта ёхытман.

— Па хоты, ям. Номсынга ута,—ворнга ломыис.

Канарейка па си ворнга тыхытны утта питыс па нэмхунты тэты утты па иськины потты ясынг ант лопыис.

Ий пуш ворнга тэтот каншта маныс, харны хотыс, а ёхи ёхтыс,—канарейка тыхытны отл, курнгыт нохты.

Ворнга ухыт ий пелыка отсытэ, вантыс па лопыс:

— Ма хоты лопсым, там антом па путянг сиськи вой!..

ПРИЛОЖЕНИЕ

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК

АЛЁНУШКИНЫ СКАЗКИ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

RESEARCH REPORT

СКАЗКА
ПРО ВОРОБЬЯ ВОРОБЕЙЧА, ЕРША ЕРШОВИЧА
И ВЕСЁЛОГО ТРУБОЧИСТА ЯШУ.

1.

Воробей Воробейч и Ёрш Ершович жили в большой дружбе. Каждый день летом Воробей Воробейч прилетал к речке и кричал:

— Эй, брат, здравствуй!.. Как поживаешь?

— Ничего, живём помаленьку,— отвечал Ёрш Ершович.— Иди ко мне в гости. У меня, брат, хорошо в глубоких местах... Вода стоит тихо, всякой водяной травки сколько хочешь. Угощу тебя лягушачьей икрой, червяками, водяными козявками...

— Спасибо, брат! С удовольствием пошёл бы к тебе в гости, да воды боюсь. Лучше уж ты прилетай ко мне в гости на крышу... Я тебя, брат, ягодами буду угощать,— у меня целый сад, а потом раздобудем и корочку хлеба, и овса, и сахару, и живого комарика. Ты ведь любишь сахар?

— Какой он?

— Белый такой...

— Как у нас гальки в реке?

— Ну вот. А возьмёшь в рот — сладко. Твою гальку не съешь. Полетим сейчас на крышу?

— Нет, я не умею летать, да и задыхаюсь на воздухе. Вот лучше на воде поплывём вместе. Я тебе всё покажу...

Воробей Воробейч пробовал заходить в воду,— по колена зайдёт, а дальше страшно делается. Так-то и утонуть можно!

Напьётся Воробей Воробеич светлой речной водицы, а в жаркие дни покупается где-нибудь на мелком месте, почистит пёрышки и опять к себе на крышу. Вообще жили они дружно и любили поговорить о разных делах.

— Как это тебе не надоест в воде сидеть? — часто удивлялся Воробей Воробеич. — Мокро в воде, ещё простудишься.

Ёрш Ершович удивлялся в свою очередь:

— Как тебе, брат, не надоест летать? Вон как жарко бывает на солнышке: как раз задохнёшься. А у меня всегда прохладно. Плавай себе сколько хочешь. Небось, летом все ко мне лезут купаться... А на крышу кто к тебе пойдёт?

— И ещё как ходят, брат!.. У меня есть большой приятель, трубочист Яша. Он постоянно в гости ко мне приходит... И весёлый такой трубочист — всё песни поёт. Чистит трубы, а сам напевает. Да ещё присядет на самый конёк отдохнуть, достанет хлеба, закусывает, а я крошки подбираю. Душа в душу живём. Я ведь тоже люблю повеселиться...

У друзей и неприятности были почти одинаковы. Например, зима. Как зяб бедный Воробей Воробеич! Ух, какие холодные дни бывали! Кажется, вся душа готова вымерзнуть. Наохлится Воробей Воробеич, подберёт под себя ноги, да и сидит. Одно только спасенье — забраться куда-нибудь в трубу и немного погреться. Но и тут беда.

Раз Воробей Воробеич чуть-чуть не погиб благодаря своему лучшему другу — трубочисту. Пришёл трубочист, да как спустит в трубу свою чугунную гирию с помелом, — чуть-чуть голову не проломил Воробью Воробеичу.

Выскочил Воробей Воробеич из трубы весь в саже, хуже трубочиста, и сейчас браниться:

— Ты это что же, Яша, делаешь-то? Ведь этак можно и досмерти убить...

— А я почём же знал, что ты в трубе сидишь? А будь впредь осторожнее... Если бы я тебя чугунной гирей по голове стукнул, — разве это хорошо?

Ершу Ершовичу тоже по зимам приходилось не сладко. Он забирался куда-нибудь поглубже в омут и там дремал

по целым дням. И темно, и холодно, и не хочется шевелиться. Изредка он подплывал к проруби, когда звал Воробей Воробейч.

Подлетит к проруби воды напиться и крикнет:

— Эй, Ёрш Ершович, жив ли ты?

— Жив...— сонным голосом откликается Ёрш Ершович.— Только всё спать хочется. Вообще скверно. У нас все спят.

— И у нас тоже не лучше, брат! Что делать, приходится терпеть... Ух, какой злой ветер бывает!.. Тут, брат, не заснёшь... Я всё на одной ножке прыгаю, чтобы согреться. А люди смотрят и говорят: „Посмотрите, какой весёленький воробышек!“ Ах, только бы дожидаться тепла! Да ты уж опять, брат, спишь?

А летом опять свои неприятности. Раз ястреб версты две гнался за Воробьём Воробейчем, и тот едва успел спрятаться в речной осоке.

— Ох, едва жив ушёл!— жаловался он Ершу Ершовичу, едва переводя дух.— Вот разбойник-то!.. Чуть-чуть не сцапал, а там бы поминай как звали.

— Это вроде нашей щуки,— утешал Ёрш Ершович.— Я тоже недавно чуть-чуть не попал ей в пасть. Как бросится за мной, точно молния. А я выплыл с другими рыбками и думал, что в воде лежит полено, а как полено бросится за мной... Для чего только эти щуки водятся? Удивляюсь и не могу понять...

— И я тоже... Знаешь, мне кажется, что ястреб когда-нибудь был щукой, а щука—ястребом. Одним словом—разбойники.

2.

Да, так жили да поживали Воробей Воробейч и Ёрш Ершович, зябли по зимам, радовались летом, а весёлый трубочист Яша чистил свои трубы и попевал песенки. У каждого своё дело, свои радости и свои огорчения.

Однажды летом трубочист кончил свою работу и пошёл к речке смыть с себя сажу. Идёт да посвистывает, а тут слы-

шит — страшный шум. Что такое случилось? А над рекой птицы так и вьются: и утки, и гуси, и ласточки, и бекасы, и вороны, и голуби. Все шумят, орут, хохочут — ничего не разберёшь.

— Эй вы, что случилось? — крикнул трубочист.

— А вот случилось... — чиликнула бойкая синичка. — Так смешно, так смешно!.. Посмотри, что наш Воробей Воробеич делает... Совсем взбесился.

Синичка засмеялась тоненьким-тоненьким голоском, вильнула хвостиком и взвилась над рекой.

Когда трубочист подошёл к реке, Воробей Воробеич так и налетел на него. А сам страшный такой: клюв раскрыт, глаза горят, все пёрышки стоят дыбом.

— Эй, Воробей Воробеич, ты это что, брат, шумишь тут? — спросил трубочист.

— Нет, я ему покажу!.. — орал Воробей Воробеич, задыхаясь от ярости. — Он ещё не знает, каков я. Я ему покажу, проклятому Ершу Ершовичу!.. Он будет меня поминать, разбойник...

— Не слушай его! — крикнул трубочисту из воды Ёрш Ершович. — Всё-то он врёт.

— Я вру?! — орал Воробей Воробеич. — А кто червяка нашёл? Я вру?! Жирный такой червяк! Я его на берегу выкопал... Сколько трудился... Ну, схватил его и тащу домой, в своё гнездо. У меня семейство... должен я корм носить... Только вспорхнул с червяком над рекой, а проклятый Ёрш Ершович — чтобы его щука проглотила! — как крикнет: „Ястреб!“ Я со страху крикнул, червяк упал в воду, а Ёрш Ершович его и проглотил... Это называется врать?! И ястреба никакого не было...

— Что же, я пошутил, — оправдывался Ёрш Ершович. — А червяк действительно был вкусный.

Около Ерша Ершовича собралась всякая рыба: плотва, караси, окуни, малявки, — слушают и смеются. Да, ловко пошутил Ёрш Ершович над старым приятелем! И ещё смешнее, как Воробей Воробеич вступил в драку с ним. Так и налетает, так и налетает, а взять ничего не может.

— Подавись ты моим червяком! — бранился Воробей Воробейч.— Я другого себе выкопаю... А обидно то, что Ёрш Ершович обманул меня и надо мной же ещё смеётся. А я его ещё к себе на крышу звал... Хорош приятель, нечего сказать. Вот и трубочист Яша тоже скажет... Мы с ним тоже дружно живём и даже вместе закусываем иногда: он ест — я крошки подбираю.

— Пойдите, братцы, это самое дело нужно рассудить, — заявил трубочист.— Дайте только мне сначала умыться. Я разберу ваше дело по совести. А ты, Воробей Воробейч, пока немного успокойся...

— Моё дело правое, что же мне беспокоиться! — орал Воробей Воробейч.— А только я покажу Ершу Ершовичу, как со мной шутки шутить...

Трубочист присел на бережок, положил рядом на камешек узелок с своим обедом, вымыл руки и лицо и проговорил:

— Ну, братцы, теперь будем суд судить... Ты, Ёрш Ершович, — рыба, а ты, Воробей Воробейч, — птица. Так я говорю?

— Так! Так!.. — закричали все: и птицы и рыбы.

— Будем говорить дальше! Рыба должна жить в воде, а птица в воздухе. Так я говорю? Ну, вот... А червяк, например, живёт в земле. Хорошо. Теперь смотрите...

Трубочист развернул свой узелок, положил на камень кусок ржаного хлеба и проговорил:

— Вот смотрите: что это такое? Это — хлеб. Я его заработал, и я его съем; съем и водицей запью. Так! Значит, пообедаю и никого не обижу. Рыба и птица тоже хотят пообедать... У вас, значит, своя пища. Зачем же ссориться? Воробей Воробейч откопал червяка, значит, он его заработал, и значит, червяк его...

— Позвольте, дяденька... — послышался в толпе птиц тоненький голосок.

Птицы раздвинулись и пустили вперёд бекасика-песочника, который подошёл к самому трубочисту на своих тоненьких ножках.

— Дяденька, это неправда.

— Что неправда?

— Да червяка-то ведь я нашёл... Вон спросите уток — они видели. Я его нашёл, а воробей налетел и украл.

Трубочист смутился. Выходило совсем не то.

— Как же это так!.. — бормотал он, собираясь с мыслями. — Эй, Воробей Воробеич, ты это что же, в самом деле, обманываешь?

— Это не я вру, а бекас врёт. Он сговорился вместе с утками...

— Что-то не тово, брат... гм... да! Конечно, червячок — пустяки; а только вот нехорошо красть. Так я говорю? Да...

— Верно! Верно! — хором крикнули опять все. — А ты всё-таки рассуди Ерша Ершовича с Воробьём Воробеичем! Кто у них прав?.. Оба шумели, оба дрались и подняли всех на ноги.

— Кто прав? Ах вы, озорники, Ёрш Ершович и Воробей Воробеич! Право, озорники. Я обоих вас и накажу для примера... Ну, живо миритесь, сейчас же!

— Верно! — крикнули все хором. — Пусть помирятся...

— А бекасика-песочника, который трудился, добывая червяка, я накормлю крошками, — решил трубочист. — Все и будут довольны...

— Отлично! — опять крикнули все.

Трубочист уже протянул руку за хлебом, а его и нет. Пока трубочист рассуждал, Воробей Воробеич успел его стащить.

— Ах, разбойник! Ах, плут! — возмутились все рыбы и все птицы.

И все бросились в погоню за воров. Краюшка была тяжела, и Воробей Воробеич не мог далеко улететь с ней. Его догнали как раз над рекой. Бросились на вора большие и малые птицы.

Произошла настоящая свалка. Все так и рвут, только крошки летят в реку, а потом и краюшка полетела тоже в реку. Тут уж схватились за неё рыбы. Началась настоящая

драка между рыбами и птицами. В крошки растерзали всю краюшку и все крошки съели. Как есть ничего не осталось от краюшки. Когда краюшка была съедена, все опомнились и всем сделалось совестно. Гнались за вором-воробьём, да по пути краденую краюшку и съели.

А весёлый трубочист Яша сидит на бережку, смотрит и смеётся. Уж очень смешно всё вышло... Все убежали от него, остался один только бекасик-песочник.

— А ты что же не летишь за всеми? — спросил трубочист.

— И я полетел бы, да ростом мал, дяденька. Как раз большие птицы заклюют...

— Ну, вот так-то лучше будет, бекасик. Оба остались мы с тобой без обеда. Видно, мало ещё поработали...

Пришла Алёнушка на бережок, стала спрашивать весёлого трубочиста Яшу, что случилось, и тоже смеялась.

— Ах, какие они все глупые, и рыбки и птички! А я бы разделила всё — и червячка, и краюшку, и никто бы не ссорился. Недавно я разделила четыре яблока... Папа приносит четыре яблока и говорит: „Раздели пополам мне и Лизе“. Я и разделила на три части: одно яблоко дала папе, другое — Лизе, а два взяла себе.

СКАЗКА
ПРО КОМАРА КОМАРОВИЧА — ДЛИННЫЙ НОС
И ПРО МОХНАТОГО МИШКУ — КОРОТКИЙ ХВОСТ.

1.

Это случилось в самый полдень, когда все комары спрятались от жары в болото. Комар Комарович — Длинный Нос прикурнул под широкий лист и заснул. Спит и слышит отчаянный крик:

— Ой, батюшки!.. Ой, караул!..

Комар Комарович выскочил из-под листа и тоже закричал:

— Что случилось?.. Что вы орёте?

А комары летают, жужжат, пищат, — ничего разобрать нельзя.

— Ой, батюшки!.. Пришёл в наше болото медведь и завалился спать. Как лёг в траву, так сейчас же задавил пятьсот комаров; какдохнул — и проглотил целую сотню. Ой, беда, братцы! Мы едва унесли от него ноги, а то всех бы передалил...

Комар Комарович — Длинный Нос сразу рассердился и на медведя и на глупых комаров, которые пищали без толку.

— Эй, вы, перестаньте пищать! — крикнул он. — Вот я сейчас пойду и прогоню медведя... Очень просто! А вы орёте только напрасно...

Ещё сильнее рассердился Комар Комарович и полетел. Действительно, в болоте лежал медведь. Забрался в самую густую траву, где комары жили испокон века, развалился и

носом сопит, только свист идёт, точно кто на трубе играет. Вот бессовестная тварь!.. Забрался в чужое место, погубил напрасно столько комариных душ да ещё спит так сладко!

— Эй, дядя, ты это куда забрался? — закричал Комар Комарович на весь лес, да так громко, что даже самому сделалось страшно.

Мохнатый Миша открыл один глаз — никого не видно, открыл другой глаз — едва рассмотрел, что летает комар над самым его носом.

— Тебе что нужно, приятель? — заворчал Миша и тоже начал сердиться: „Как же, только расположился отдохнуть, а тут какой-то негодяй пищит“.

— Эй, уходи подобру-поздорову, дядя!..

Миша открыл оба глаза, посмотрел на нахала, фукнул носом и окончательно рассердился.

— Да что тебе нужно, негодная тварь? — зарычал он.

— Уходи из нашего места, а то я шутить не люблю... Вместе с шубой тебя съем.

Медведю сделалось смешно. Перевалился он на другой бок, закрыл морду лапой и сейчас же захрапел.

2.

Полетел Комар Комарович обратно к своим комарам и трубит на всё болото:

— Ловко я напугал Мохнатого Мишку... В другой раз не придёт.

Подивились комары и спрашивают:

— Ну, а сейчас-то медведь где?

— А не знаю, братцы. Сильно струсил, когда я ему сказал, что съем, если не уйдёт. Ведь я шутить не люблю, а так прямо и сказал „съем“. Боюсь, как бы он не окошел со страху, пока я к вам летаю... Что же, сам виноват!

Запищали все комары, зажужжали и долго спорили — как им быть с невежей-медведем. Никогда ещё в болоте не было

такого страшного шума. Пищали, пищали и решили выгнать медведя из болота.

— Пусть идёт к себе домой, в лес, там и спит. А болото наше... Ещё отцы и деды наши вот в этом самом болоте жили.

Одна благоразумная старушка Комариха посоветовала было оставить медведя в покое: пусть его полежит, а когда выпится— сам уйдёт, но на неё так накинулись, что бедная едва успела спрятаться.

— Идём, братцы!— кричал больше всех Комар Комарович.— Мы ему покажем... Да!

Полетели комары за Комаром Комаровичем. Летят и пищат, даже самым страшно делается. Прилетели, смотрят, а медведь лежит и не шевелится.

— Ну, я так и говорил: умер бедняга со страху!— хвастался Комар Комарович.— Даже жаль немножко, вон какой здоровый медведище.

— Да он спит, братцы,— пропищал маленький комаришка, подлетевший к самому медвежьему носу и чуть не втянутый туда, как в форточку.

— Ах, бесстыдник! Ах, бессовестный!— запищали все комары разом и подняли ужасный гвалт.— Пятьсот комаров задавил, сто комаров проглотил и сам спит, как ни в чём не бывало...

А Мохнатый Миша спит себе да носом посвистывает.

— Он притворяется, что спит!— крикнул Комар Комарович и полетел на медведя.— Вот я ему сейчас покажу... Эй, дядя, будет притворяться!

Как налетит Комар Комарович, как вопьётся своим длинным носом прямо в чёрный медвежий нос, Миша так и вскочил. Хватать лапой по носу, а Комара Комаровича как не бывало.

— Что, дядя, не понравилось?— пищит Комар Комарович.— Уходи, а то хуже будет... Я теперь не один Комар Комарович— Длинный Нос, а прилетели со мной и дедушка—

Комарище — Длинный Носище, и младший брат — Комаришка — Длинный Носишко! Уходи, дядя!

— А я не уйду! — закричал медведь, усаживаясь на задние лапы. — Я вас всех передавлю!

— Ой, дядя, напрасно хвастаешь...

Опять полетел Комар Комарович и впился медведю прямо в глаз. Заревел медведь от боли, хватил себя лапой по морде, и опять в лапе ничего, только чуть глаз себе не вырвал когтем.

А Комар Комарович вьётся над самым медвежьим ухом и пищит:

— Я тебя съем, дядя...

3.

Рассердился окончательно Миша. Выворотил он вместе с корнем целую берёзу и принялся колотить ею комаров. Так и ломит со всего плеча... Бил, бил, даже устал, а ни одного убитого комара нет, — все вьются над ним и пищат. Тогда ухватил Миша тяжёлый камень и запустил им в комаров, — опять толку нет.

— Что, взял, дядя? — пищал Комар Комарович. — А я тебя всё-таки съем...

Долго ли, коротко ли сражался Миша с комарами, только шуму было много. Далеко был слышен медвежий рёв. А сколько он деревьев вырвал, сколько камней выворотил!.. Всё ему хотелось зацепить первого Комара Комаровича: ведь вот тут, над самым ухом вьётся, а хватит медведь лапой, и опять ничего, только всю морду себе в кровь исцарапал.

Обессилел, наконец, Миша. Присел он на задние лапы, фыркнул и придумал новую штуку, — давай кататься по траве, чтобы передавить всё комариное царство. Катался, катался Миша, однако из этого ничего не вышло, а только ещё больше устал он. Тогда медведь спрятал морду в мох — вышло того хуже. Комары вцепились в медвежий хвост. Окончательно рассвирепел медведь.

— Пойдите, вот я вам задам!—ревел он так, что за пять вёрст было слышно.—Я вам покажу штуку... Я... я... я...

Отступили комары и ждут, что будет. А Миша на дерево вскарабкался, как акробат, засел на самый толстый сук и ревет:

— Ну-ка, подступитесь теперь ко мне... Всем носы по-обломаю!..

Засмеялись комары тонкими голосами и бросились на медведя уже всем войском. Пищат, кружатся, лезут... Отбивался, отбивался Миша, проглотил нечаянно штук сто комариного войска, закашлялся, да как сорвётся с сука, точно мешок... Однако поднялся, почесал ушибленный бок и говорит:

— Ну что, взяли? Видели, как я ловко с дерева прыгаю?

Ещё тоньше засмеялись комары, а Комар Комарович так и трубит:

— Я тебя съем... Я тебя съем... съем... съем!

Изнемог окончательно медведь, выбился из сил, а уходить из болота стыдно. Сидит он на задних лапах и только глазами моргает.

Выручила его из беды лягушка. Выскочила из-под кочки, присела на задние лапки и говорит:

— Охота вам, Михайло Иванович, беспокоить себя напрасно?.. Не обращайтесь вы на этих дрянных комаришек внимания. Не стоит.

— И то не стоит,—обрадовался медведь.—Я это так... Пусть-ка они ко мне в берлогу придут, да я... я...

Как повернётся Миша, как побежит из болота, а Комар Комарович—Длинный Нос летит за ним, летит и кричит:

— Ой, братцы, держите! Убежит медведь... Держите!

Собрались все комары, посоветовались и решили: „Не стоит! Пусть его уходит,—ведь болото-то осталось за нами!“

СКАЗКА
ПРО ХРАБРОГО ЗАЙЦА ДЛИННЫЕ УШИ —
КОСЫЕ ГЛАЗА — КОРОТКИЙ ХВОСТ.

Родился зайчик в лесу и всего боялся. Треснет где-нибудь сучок, вспорхнёт птица, упадёт с дерева ком снега, — у зайчика душа в пятки.

Боялся зайчик день, боялся два, боялся неделю, боялся год, а потом вырос он большой, и вдруг надоело ему бояться.

— Никого я не боюсь! — крикнул он на весь лес. — Вот не боюсь нисколько, и всё тут.

Собрались старые зайцы, сбежались маленькие зайчата, припелись старые зайчихи, — все слушают, как хвастается заяц Длинные Уши — Косые Глаза — Короткий Хвост, — слушают и своим собственным ушам не верят. Не было ещё, чтобы заяц не боялся никого.

— Эй ты, Косой Глаз, ты и волка не боишься?

— И волка не боюсь, и лисицы, и медведя, — никого не боюсь.

Это уж выходило совсем забавно. Хихикнули молодые зайчата, прикрыв мордочки передними лапками, засмеялись добрые старушки-зайчихи, улыбнулись даже старые зайцы, побывавшие в лапах у лисы и отведавшие волчьих зубов. Очень уж смешной заяц!.. Ах, какой смешной!.. И всем вдруг сделалось весело.

Начали кувыркаться, прыгать, скакать, перегонять друг друга, точно все с ума сошли.

— Да что тут долго говорить! — кричал расхрабрившийся

«окончательно заяц.— Ежели мне попадётся волк, так я его сам съем...

Ах, какой смешной заяц! Ах, какой он глупый!..

Все видят, что и смешной и глупый, и все смеются.

Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут.

Ходил он, ходил по своим волчьим делам, проголодался и только подумал: „Вот бы хорошо зайчиком закусить!“ — как слышит, что где-то совсем близко зайцы кричат и его, серого волка, поминают.

Сейчас он остановился, понюхал воздух и начал подкрадываться.

Совсем близко подошёл волк к разыгравшимся зайцам, слышит, как они над ним смеются, а всех больше — хвастун-заяц Косые Глаза — Длинные Уши — Короткий Хвост.

„Э, брат, погоди, вот тебя-то я и съем!“ — подумал серый волк и начал выглядывать, который заяц хвастается своей храбростью.

А зайцы ничего не видят и веселятся пуще прежнего.

Кончилось тем, что хвастун-заяц взобрался на пенёк, уселся на задние лапки и заговорил:

— Слушайте вы, трусы! Слушайте и смотрите на меня. Вот я сейчас покажу вам одну штуку. Я... я... я...

Тут язык у хвастуна точно примёрз. Заяц увидел глядевшего на него волка.

Другие не видели, а он видел и не смелдохнуть.

Дальше случилась совсем необыкновенная вещь.

Заяц-хвастун подпрыгнул кверху, точно мячик, и со страха упал прямо на широкий волчий лоб, кубарем покатился по волчьей спине, перевернулся ещё раз в воздухе и потом задал такого стрекача, что, кажется, готов был выскочить из собственной кожи.

Долго бежал несчастный зайчик, бежал, пока совсем не выбился из сил.

Ему всё казалось, что волк гонится по пятам и вот-вот схватит его своими зубами.

Наконец совсем обессилел бедняга, закрыл глаза и за-
мертво свалился под куст.

А волк в это время бежал в другую сторону. Когда заяц
упал на него, ему показалось, что кто-то в него выстрелил.

И волк убежал. Мало ли в лесу других зайцев можно
найти, а это был какой-то бешеный.

Долго не могли прийти в себя остальные зайцы. Кто
удрал в кусты, кто спрятался за пенёк, кто завалился в ямку.

Наконец надоело всем прятаться, и начали понемногу
выглядывать, кто похрабрее.

— А ловко напугал волка наш заяц!—решили все.—
Если бы не он, так не уйти бы нам живыми. Да где же он,
наш бесстрашный заяц?..

Начали искать.

Ходили, ходили, нет нигде храброго зайца. Уж не съел
ли его другой волк? Наконец-таки нашли: лежит в ямке под
кустиком и еле жив от страха.

— Молодец, Косой!—закричали все зайцы в один го-
лос.—Ай да Косой!.. Ловко ты напугал старого волка. Спа-
сибо, брат! А мы думали, что ты хвастаешь.

Храбрый заяц сразу приободрился. Вылез из своей ямки,
встряхнулся, прищурил глаза и проговорил:

— А вы бы как думали! Эх вы, трусы!..

С этого дня храбрый заяц начал сам верить, что он
действительно никого не боится.

СКАЗКА
ПРО ВОРОНУШКУ — ЧЁРНУЮ ГОЛОВУШКУ
И ЖЁЛТУЮ ПТИЧКУ КАНАРЕЙКУ.

Сидит ворона на берёзе и хлопает носом по сучку: хлоп-хлоп. Вычистила нос, оглянулась кругом, да как каркнет:

— Карр!.. Карр!..

Дремавший на заборе кот Васька чуть не свалился со страху и начал ворчать:

— Эх тебя взяло, чёрная голова... Даст же бог такое горлышко!.. Чему обрадовалась-то?

— Отстань! Некогда мне, разве не видишь? Ах, как некогда!.. Карр-карр-карр!.. И всё-то дела да дела.

— Умаялась, бедная! — засмеялся Васька.

— Молчи, лежебок! Ты вот все бока пролежал, только и знаешь, что на солнышке греться, а я-то с утра покоя не знаю: на десяти крышах посидела, полгорода облетела, все уголки и закоулки осмотрела. А ещё вот надо на колокольню слетать, на рынке побывать, в огородах покопать... Да что я с тобой даром время теряю, — некогда мне. Ах, как некогда!

Хлопнула ворона в последний раз носом по сучку, встрепенулась и только что хотела вспорхнуть, как услышала страшный крик. Неслась стая воробьёв, а впереди летела какая-то маленькая жёлтенькая птичка.

— Братцы, держите её. Ой, держите! — пищали воробьи.

— Что такое? Куда? — крикнула ворона, бросаясь за воробьями.

Взмахнула ворона крыльями раз десяток и догнала воробьиною стаю. Жёлтенькая птичка выбилась из последних сил и бросилась в маленький садик, где росли кусты сирени, смородины и черёмухи. Она хотела спрятаться от гнавших за ней воробьёв. Забилась жёлтенькая птичка под куст, а ворона — тут как тут.

— Ты кто такая будешь? — каркнула она.

Воробьи так и обсыпали куст, точно кто бросил горсть гороха.

Они озлились на жёлтенькую птичку и хотели её заклевать.

— За что вы её обижаете? — спрашивала ворона.

— А зачем она жёлтая? — запищали разом все воробьи.

Ворона посмотрела на жёлтенькую птичку: действительно, вся жёлтая, — мотнула головой и проговорила:

— Ах вы, озорники!.. Ведь это совсем не птица!.. Разве такие птицы бывают?.. А впрочем, убирайтесь-ка... Мне надо поговорить с этим чудом. Она только притворяется птицей...

Воробьи запищали, затрещали, озлились ещё больше, а делать нечего — надо убираться. Разговоры с вороной коротки: так хватит носищем, что и дух вон.

Разогнав воробьёв, ворона начала допытывать жёлтенькую птичку, которая тяжело дышала и так жалобно смотрела своими чёрными глазками.

— Кто ты такая будешь? — спрашивала ворона.

— Я — канарейка...

— Смотри не обманывай, а то плохо будет. Кабы не я, так воробьи заклевали бы тебя...

— Право, я — канарейка.

— Откуда ты взялась?

— А я жила в клетке... В клетке и родилась, и выросла, и жила. Мне всё хотелось полетать, как другие птицы: Клетка стояла на окне, и я всё смотрела на других птичек... Так им весело было, а в клетке так тесно. Ну, девочка Алёнушка

принесла чашку с водой, отворила дверку, а я и вырвалась. Летала, летала по комнате, а потом в форточку и вылетела.

— Что же ты делала в клетке?

— Я хорошо пою.

— Ну-ка, спой.

Канарейка спела. Ворона наклонила голову набок и удивилась:

— Ты это называешь пением? Ха-ха!.. Глупые же были твои хозяева, если кормили за такое пение. Если бы уж кого кормить, так настоящую птицу, как, например, меня. Давеча каркнула, так плут Васька чуть с забора не свалился. Вот это пение!..

— Я знаю Ваську... Самый страшный зверь!.. Он столько раз подбирался к нашей клетке. Глаза зелёные, так и горят, выпустит когти...

— Ну, кому страшен, а кому и нет... Плут он большой—это верно, а страшного ничего нет. Ну, да об этом поговорим потом... А мне всё-таки не верится, что ты настоящая птица...

— Право, тётенька, я птица, совсем птица. Все канарейки—птицы...

— Хорошо, хорошо, увидим... А вот как ты жить будешь?

— Мне немного нужно: несколько зёрнышек, сахару кусочек, сухарик—вот и сыта.

— Ишь, какая барыня! Ну, без сахару ещё обойдёшься, а зёрнышек как-нибудь добудешь. Вообще, ты мне нравишься. Хочешь жить вместе? У меня на берёзе—отличное гнездо.

— Благодарю. Только вот воробьи...

— Будешь со мной жить, так никто не посмеет пальцем тронуть. Не то что воробьи, а и плут Васька знает хорошо мой характер. Я не люблю шутить...

Канарейка сразу ободрилась и полетела вместе с вороной. Что же, гнездо отличное, если бы ещё сухарик да сахару кусочек.

Стала ворона с канарейкой жить да поживать в одном гнезде. Ворона хоть и любила иногда поворчать, но была птица не злая. Главным недостатком в её характере было то, что она всем завидовала, а себя считала обиженной.

— Ну чем лучше меня глупые куры? А их кормят, за ними ухаживают, их берегут,—жаловалась она канарейке.— Тоже вот взять голубей... Какой от них толк, а нет-нет, и бросят им горсточку овса. Тоже глупая птица... А чуть я подлечу, меня сейчас же все и начинают гнать в три шеи. Разве это справедливо? Да ещё бранят вдогонку: „Эх ты, ворона!..“ А ты заметила, что я получше других буду да и по-красивее?.. Положим, про себя этого не приходится говорить, а заставляют сами. Не правда ли?

Канарейка соглашалась со всем.

— Да, ты большая птица!..

— Вот то-то и есть. Держат же попугаев в клетках, ухаживают за ними, а чем попугай лучше меня?.. Так,—самая глупая птица. Только и знает, что орать да бормотать, а никто понять не может, о чём бормочет. Не правда ли?

— Да, у нас тоже был попугай и страшно всем надоедал.

— Да мало ли других птиц наберётся, которые и живут неизвестно зачем!.. Скворцы, например, прилетят, как сумасшедшие, неизвестно откуда, поживут лето и опять улетят. Ласточки тоже, синицы, соловьи—мало ли какой дряни наберётся.

Ни одной вообще серьёзной, настоящей птицы... Чуть холодком пахнёт,—все и давай удирать, куда глаза глядят.

В сущности, ворона и канарейка не понимали друг друга. Канарейка не понимала этой жизни на воле, а ворона не понимала жизни в неволе.

— Неужели вам, тётяшка, никто зёрнышка никогда не бросил?—удивлялась канарейка.—Ну, одного зёрнышка?

— Какая ты глупая... Какие тут зёрнышки? Только и смотри, как бы палкой кто не убил или камнем. Люди очень злы...

С последним канарейка никак не могла согласиться, потому что её люди кормили. Может быть, это вороне так кажется... Впрочем, канарейке скоро самой пришлось убедиться в людской злости.

Раз она сидела на заборе, как вдруг над самой головой просвистел тяжёлый камень. Шли по улице школьники, увидали на заборе ворону,— как же не запустить в неё камнем?

— Ну что, теперь видела?— спрашивала ворона, забравшись на крышу.— Все они такие, то есть люди.

— Может быть, вы чем-нибудь досадили им, тётенька?

— Решительно ничем... Просто так злятся. Они меня все ненавидят...

Канарейке сделалось жаль бедную ворону, которую никому не любил. Ведь так и жить нельзя...

Врагов, вообще, было достаточно. Например кот Васька... Какими масляными глазами он поглядывал на всех птичек, притворялся спящим, и канарейка видела собственными глазами, как он схватил маленького, неопытного воробышка,— только косточки захрустели и пёрышки полетели... Ух, страшно! Потом ястреба— тоже хороши: плавает в воздухе, а потом камнем и падает на какую-нибудь неосторожную птичку. Канарейка тоже видела, как ястреб тащил цыплёнка. Впрочем, ворона не боялась ни кошек, ни ястребов и даже сама была не прочь полакомиться маленькой птичкой. Сначала канарейка этому не верила, пока не убедилась собственными глазами. Раз она увидела, как воробьи целой стаей гнались за вороной. Летят, пищат, трещат... Канарейка страшно испугалась и спряталась в гнезде.

— Отдай, отдай!— неистово пищали воробьи, летая над вороньим гнездом.— Что же это такое? Это разбой!..

Ворона шмыгнула в своё гнездо, и канарейка с ужасом увидела, что она принесла в когтях мёртвого, окровавленного воробышка.

— Тётенька, что вы делаете?

— Молчи!— прошипела ворона.

У неё глаза были страшные, так и светятся... Канарейка закрыла глаза от страха, чтобы не видеть, как ворона будет рвать несчастного воробышка.

— „Ведь так она и меня когда-нибудь съест“, — думала канарейка.

Но ворона, закусив, делалась каждый раз добрее. Вычистит нос, усядется поудобнее куда-нибудь на сук и сладко дремлет. Вообще, как заметила канарейка, тётенька была страшно прожорлива и не брезговала ничем. То корочку хлеба тащит, то кусочек гнилого мяса, то какие-то объедки, которые разыскивала на помойных ямах. Последнее было любимым занятием вороны, и канарейка никак не могла понять, что за удовольствие копать в помойной яме. Впрочем, и обвинять ворону было трудно: она съедала каждый день столько, сколько не съели бы двадцать канареек. И вся забота у вороны была только об еде... Усядется куда-нибудь на крышу и высматривает.

Когда вороне было лень самой отыскивать пищу, она пускалась на хитрости. Увидит, что воробы что-нибудь теребят, сейчас и бросится. Будто летит мимо, а сама орёт во всё горло:

— Ах, некогда мне... Совсем некогда!..

Подлетит, сцапает добычу, и была такова.

— Ведь это нехорошо, тётенька, отнимать у других, — заметила однажды возмущённая канарейка.

— Нехорошо? А если я постоянно есть хочу?..

— И другие тоже хотят...

— Ну, другие сами о себе позаботятся. Это ведь вас, неженюк, по клеткам всех кормят, а мы всё сами должны добывать себе. Да и так, много ли тебе или воробью нужно?.. Поклевала зёрнышек, и сыта на целый день.

Лето промелькнуло незаметно. Солнце сделалось холоднее, а день — короче. Начались дожди, подул холодный ветер. Канарейка почувствовала себя самой несчастной птицей, особенно когда шёл дождь. А ворона точно ничего не замечает.

— Что ж из того, что идёт дождь? — удивлялась она. — Идёт-идёт и перестанет.

— Да ведь холодно, тётенька! Ах, как холодно!..

Особенно скверно бывало по ночам. Мокрая канарейка вся дрожала, а ворона ещё сердится.

— Вот неженка!.. То ли ещё будет, когда ударит холод и пойдёт снег.

Вороне делалось даже обидно. Какая же это птица, если и дождя, и ветра, и холода боится? Ведь так и жить нельзя на белом свете. Она опять стала сомневаться, что уж птица ли эта канарейка. Наверно, только притворяется птицей...

— Право, я самая настоящая птица, тётенька! — уверяла канарейка со слезами на глазах. — Только мне бывает холодно...

— То-то, смотри! А мне всё кажется, что ты только притворяешься птицей...

— Нет, право, не притворяюсь.

Иногда канарейка крепко задумывалась о своей судьбе. Пожалуй, лучше было бы остаться в клетке... Там и тепло и сытно. Она даже несколько раз подлетала к тому окну, на котором стояла родная клетка. Там уже сидели две новых канарейки и завидовали ей.

— Ах, как холодно! — жалобно пищала зябнувшая канарейка. — Пустите меня домой.

Раз утром, когда канарейка выглянула из вороньего гнезда, её поразила унылая картина: земля за ночь покрылась первым снегом, точно саваном. Всё было кругом белое. А главное — снег покрыл все те зёрнышки, которыми питалась канарейка. Оставалась рябина, но она не могла есть эту кислую ягоду. Ворона — та сидит, клюёт рябину да похваливает:

— Ах, хорошая ягода!..

Поголодав два дня, канарейка пришла в отчаяние. Что же дальше-то будет?.. Этак можно и с голоду умереть...

Сидит канарейка и горюет. А тут видит: прибежали в сад те самые школьники, которые бросили в ворону камнем, разо-

стлали на земле сетку, посыпали вкусного льняного семени и убежали.

— Да они совсем не злые, эти мальчики,— обрадовалась канарейка, поглядывая на раскинутую сеть.— Тётенька, мальчики мне корму принесли.

— Хорош корм, нечего сказать!— заворчала ворона.— Ты и не думай совать нос... Слышишь? Как только начнёшь клевать зёрнышки, так и попадёшь в сетку.

— А потом что будет?

— А потом опять в клетку посадят.

Взяло раздумье канарейку— и поест хочется, и в клетку не хочется. Конечно, и холодно, и голодно, а всё-таки на воле жить куда лучше, особенно когда не идёт дождь.

Несколько дней крепилась канарейка, но голод— не тётка, соблазнилась она приманкой и попала в сетку.

— Батюшки, караул!..— жалобно пищала она.— Никогда больше не буду... Лучше с голоду умереть, чем опять попасть в клетку.

Канарейке теперь казалось, что нет ничего лучше на свете, как воронье гнездо. Ну да, конечно, бывало и холодно, и голодно, а всё-таки— полная воля. Куда хотела, туда и полетела... Она даже заплакала. Вот придут мальчики и посадят её опять в клетку...

На её счастье летела мимо ворона и увидела, что дело плохо.

— Ах ты, глупая!..— ворчала она.— Ведь я тебе говорила, что не трогай приманки.

— Тётенька, не буду больше...

Ворона прилетела во-время. Мальчишки уже бежали, чтобы захватить добычу, но ворона успела разорвать тонкую сетку, и канарейка опять очутилась на свободе. Мальчишки долго гонялись за проклятой вороной, бросали в неё палками и камнями и бранили.

— Ах, как хорошо!— радовалась канарейка, очутившись опять в своём гнезде.

— То-то, хорошо. Смотри у меня!— ворчала ворона.

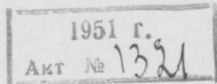
Зажила опять канарейка в вороньем гнезде и больше не жаловалась ни на холод, ни на голод.

Раз ворона улетела на добычу, заночевала в поле, а вернулась домой,—лежит канарейка в гнезде ножками вверх.

Сделала ворона голову набок, посмотрела и сказала:

— Ну, ведь говорила я, что это не птица!..

Инв. № 95

не
р-
х.

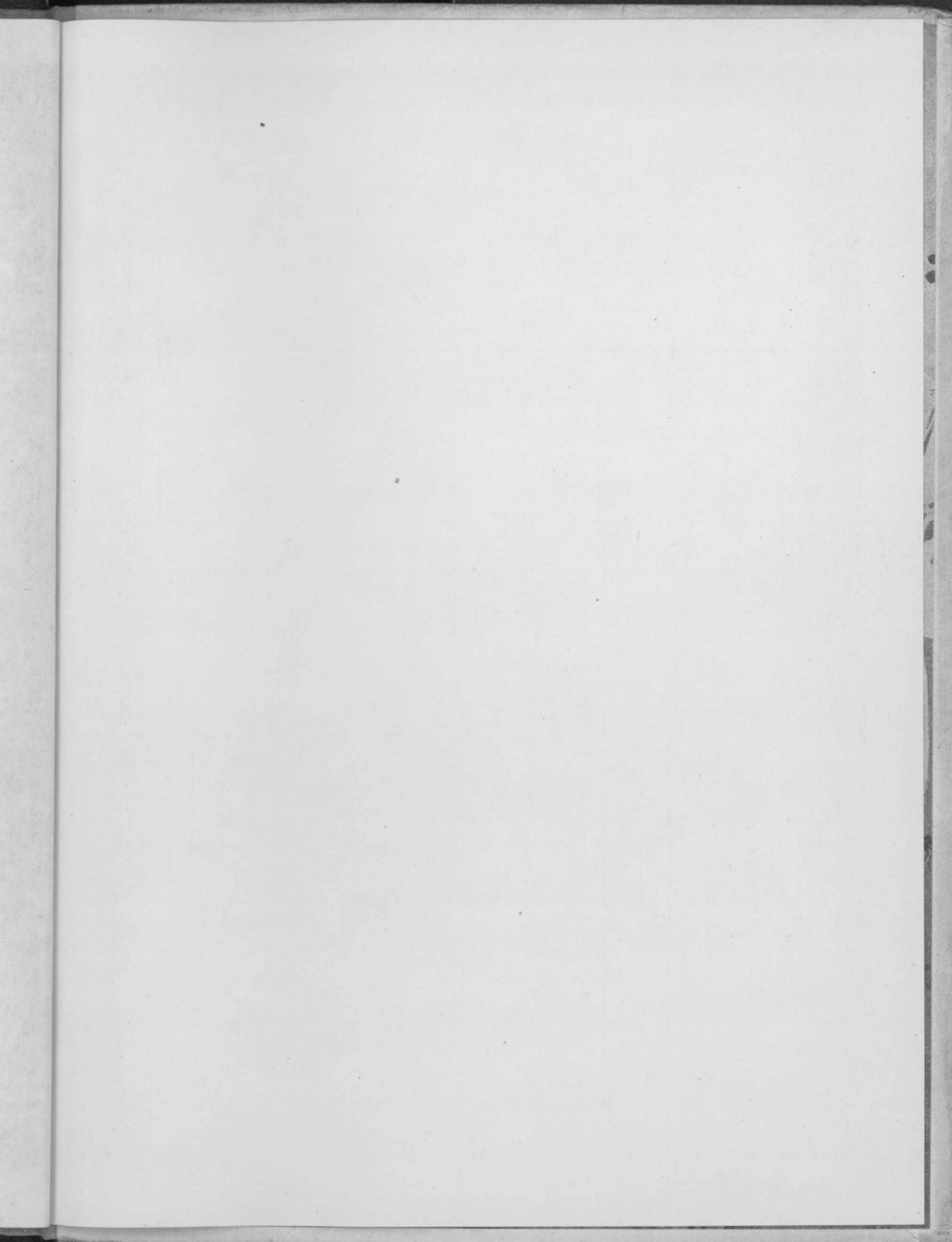
СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Сиськи вой ики, Тар хут па кашинг турпа сыстамтты хо Яша отынгны моньсь	3
Петнга—Хув нётып ики па Пунынг Ван тывып Ошни ики отынгны моньсь	16
Хув патып—Ёвра сэмып—Ван тывып апринг шовыр отынгны моньсь	27
Питы ухып ворнга па восты канарейка сиськи отынгны моньсь	34
<i>Приложение:</i> Русский текст	49

Редактор *Ю. Н. Русская*
Техн. редактор *А. А. Кирнарская*
Корректор *Р. К. Циммерман*

Подписано к печати 20/VI 1951 г. М 32660.
Заказ № 597. Уч.-изд. л. 2,59. Тираж 1500.
Формат бумаги 70×92/16—2,38 бум. л. —
5,56 печ. л. Цена без переплета 1 р. 5 к.
Переплет 50 к.

Типография № 3
Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгорсовета

Цена 7 р. 55 к.

5/- 21000
6

35280

ХАНТ.
3-39.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Аленушкины сказки
на хантыйском языке